

«В ГЛАВНОМ = ЕДИНСТВО, В СПОРНОМ = СВОБОДА, ВО ВСЕМ - ЛЮБОВЬ»

Блаженный Августин

ИЗДАНИЕ НОВОСИБИРСКОЙ ЕПАРХИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

ПРАВОСЛАВНАЯ СЕМЬЯ

2/2020

выпуск 47

Выпускается по благословению Высокопреосвященнейшего Никодима, митрополита Новосибирского и Бердского

*Помните нас!..
1941-1945*

Из доклада священника Сергиево-Казанского храма р.п. Краснообск Иоанна Реморова на Свято-Иннокентьевских Чтениях в г. Абакане. Октябрь, 2019 г.

Впреддверии очередной годовщины Великой Победы позвольте предложить вашему вниманию некоторые сопоставительные размышления — сравнение, с одной стороны, Дня Победы как памяти о подвиге народов нашей страны в Великой Отечественной войне, и, с другой стороны, ветхозаветного праздника Пасхи в древнем Израиле как памяти о событии Исхода из египетского рабства.

В последние годы и десятилетия день Победы особо выделяется среди других праздников в современном российском обществе. Многие государственные праздники наполнены каждый своим смыслом, но именно день Победы переживается и осознаётся как особый значимый день, ведь Великая Отечественная война отразилась на жизни почти каждой семьи, и её события были совсем недавно. Мы видим, что память о великой Победе становится даже некой национальной идеей, объединяющей сегодняшний многонациональный российский народ: ведь наша страна — это страна, которой удалось победить нацистскую угрозу.

Самой важностью события определяется и то, что вокруг него возникают споры: как правильно помнить о тех днях? В какой мере следует радоваться Победе, когда эта радость «со слезами на глазах»? Допустимо ли гордиться подвигом победителей только потому, что мы их потомки, и тем более, уместно ли бахвалиться, что, мол, при необходимости мы можем повторить их подвиг и, например, дойти до условного Берлина? В последние годы такая дискуссия нередко приоб-

ретаёт заострённый характер; к примеру, одно электронное СМИ предложило читателям опрос: какая позиция вам ближе — «можем повторить» или «никогда больше»? Конечно, при такой формулировке большинство выбрало ответ «никогда больше», потому что война всегда полна горести и ужаса. Вообще-то предложенная дилемма — ложная, ведь стремление избежать войны не противоречит готовности к подвигу. Как видим, память о великой Победе может быть многогранна, и возникшая дискуссия показывает всю трудность вопроса о том, как именно следует хранить эту память и передавать её следующим поколениям.

Пасха, Воскресение Христова — это избавление от смерти, победа над смертью, возвращение к жизни. А победа над нацизмом и фашизмом, состоявшаяся в 1945 году, — это тоже избавление русского народа и других народов нашей страны и всей Европы от чело-веконенавистнической идеологии

Как известно, «история — учительница жизни». Как раньше хранили память о значимых победах? Древние слагали сказания о великих войнах, начиная ещё с «Илиады» Гомера, и прославляли доблесть героев, что было призвано вдохновлять защитников своего отечества и в дальнейшем. В христианскую эпоху постепенно стали особо выделяться дни памяти таких побед, которые происходили вопреки имевшимся ожиданиям и воспринимались как чудесное спасение, за которое нужно хранить благодарность Господу и Матери Божией. Так, наш богослужебный календарь до сих пор сохраняет такие дни, как 14 сентября — Покров Пресвятой Богородицы — память о спасе-

нии Константинополя в десятом веке, или 8 сентября — Сретение Владимирской иконы Божией Матери — память об избавлении Москвы от нашествия Тамерлана в 1395 г. Ещё до революции 1917 г. день праздника Рождества Христова считался в Российской империи также днём благодарственных молитв за избавление от «нашествия галлов и с ними 12-ти языков», т.е. днём Победы над наполеоновской армией. Нередко такие дни также становились днями памяти павших воинов, так что и сегодня в Русской Православной Церкви 9-го мая совершаются и благодарственные молебны, и молитва о усопших.

Но церковный календарь даёт нам ещё одну параллель, совсем иного характера. 9 мая 1945 года пришлось на Светлую седмицу, на Пасхальные дни, дни радостного праздника Воскресения Христова. В этом есть определённая символика: Пасха, Воскресение Христова — это избавление от смерти, победа над смертью, возвращение к жизни. А победа над нацизмом и фашизмом, состоявшаяся в 1945 году, — это тоже избавление русского народа и других народов нашей страны и всей Европы от чело-веконенавистнической идеологии, которая приносила многим людям смерть не только через войны, но и через систему концентрационных лагерей с изнурительными работами и бесчеловечными опытами над людьми. Так что победа над нацизмом неспроста приобретает и пасхальное измерение.

Сам праздник новозаветной Пасхи — христианский праздник воскресения Христова — получил своё название от Пасхи ветхозаветной — древнего праздника, посвящённого воспоминанию исхода еврейского народа из Египта. Пасха как праздник Исхода оказывается прообразом, прототипом не только для праздника Воскресения Христова, но и для нашего Дня Победы.

Продолжение на стр. 20

СЛОВО РЕДАКТОРА

Христос Воскресе! Дорогие читатели журнала «Православная семья», поздравляем вас со светлым праздником Пасхи Христовой и с юбилейным Днём Победы. Эти два праздника в сознании нашего народа неразрывно связаны. Именно в Пасхальные дни 1945 года 75 лет назад закончилась самая тяжёлая за всю историю человечества война. Тёмная сила фашизма была повержена, на измученную землю пришёл долгожданный мир. Цена победы оказалась невероятно высока. Миллионы погибших, разрушенные города, сломанные судьбы. Кажется очевидным, что память о тех, кто ценой нечеловеческих усилий завоевал для нас мир, должна бережно храниться благодарными потомками. Но так ли это на самом деле? Не растеряли ли мы за шумными речами и пышными парадами истинную благодарность воинам? Много ли могут наши дети рассказать о Великой Отечественной войне или она превратилась для них только в очередное давнее историческое событие? Как уберечь нашу память?

В этом номере журнала мы не предлагаем готовых ответов, а приглашаем читателей к размышлению о вере и верности, о подвиге и правде, о высшей мере любви до забвения себя и сохранении живой памяти. В традиционных рубриках авторы статей поднимают важные вопросы: как соотносится война и заповедь «Не убий», какова глубинная связь между Пасхальными событиями и Победой, что такое истинная память о погибших дедах. Наши прихожане вспоминают о своих родных, размышляют, какой след оставила война в наших семьях, как рассказывать о подвигах дедушек и бабушек детям, какова она, настоящая правда о войне. А молодые люди из православного патриотического клуба «Ковчег» размышляют, зачем в их жизни нужен экстрим.

Юных читателей журнала ждут «Рассказы старого колокола», теплая Пасхальная сказка и продолжение повести «Дедушкин чердак». Традиционные «Литературные страницы» представлены документальными воспоминаниями о ветеране войны. В журнале представлены фотографии из семейных архивов, как один из знаков сохранившейся памяти о войне. Будем помнить! С Пасхой вас и с Днём Победы!

*Уважаемые читатели, просим Вашей поддержки!
Пожертвовать на издание нашего журнала можно пополнить счет
редакционного телефона 8-923-101-5852, телефон привязан к карте.*

Журнал «Православная семья», издание Новосибирской епархии Русской Православной Церкви. Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви, свидетельство — 115 от 01.08.2011 г.

Главный редактор: протоиерей Дионисий Михалев. Редактор: Лютина Ю.В. Редакционный совет: Тихобаев Ю.П., Чернакова Е.О., Каргополова Е.В. Фото на обложке Юлии Лютиной. Дизайн и верстка: Бориско Наталья.

Тел. (383) 348-5370, 308-75-03 www.skh.su e-mail: kat150171@gmail.com

Отпечатано в типографии ООО «Печатный дом-Новосибирск». Тираж 999 экз.

Подготовлен прихожанами прихода в честь иконы Божией Матери «Казанская» п. Краснообск. Издается на пожертвования прихожан.

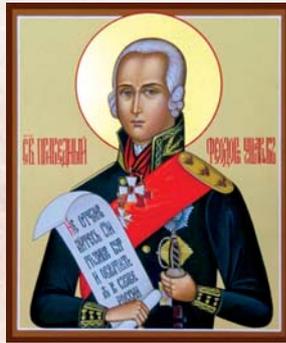
Читайте в этом номере:

Актуальная тема	
Война и вера	4
Живая история	
Спасибо деду...	7
Интервью	
Покуда сердца стучатся, помните...	10
Мысли вслух	
Победа без идеологии	14
Ваше мнение	
Неюбилейные размышления к юбилею Победы	15
Размышления о вечном	
Верный в малом и во многом верен	18
Слово пастыря	
Наследники Победы	20
Колокольчики	
Рассказы старого колокола Не мешайте детям приходить ко Мне	22
Дедушкин чердак	25
Как воробей весну встречал. Сказка.	28
Стихи	29
Слово молодым	
Экстрим в жизни молодых	28
Литературные страницы	
Дед	31
Книжная полка	35

Просим молитв о здравии рабов Божиих: протоиерея Александра, протоиерея Дионисия, Елены со чадами, Сергия, Иулии со чадами, Димитрия, Юрия со чадами, Елены, Екатерины со чадами, Сергия, Натальи со чадами, Александра, без помощи которых издание нашего журнала было бы невозможно. Ищем постоянных благодетелей.

Просим не использовать журнал в хозяйственных целях.
Если он стал вам не нужен, принесите его в храм или подарите другим людям.

Любой христианин, говорящий и пишущий о войне, рано или поздно сталкивается с проблемой: как совместить понятия воинского подвига и ветхозаветную шестую заповедь, гласящую коротко и определённо: «Не убий». А потом в Евангелии мы читаем ещё и такое: «Вы слышали, что сказано: “Люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего”. А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гоняющих вас, да будете сынами Отца вашего небесного...» (Мф.5: 43-45). Как это совместить с несомненным подвигом миллионов соотечественников, с тем, что война называется священной? В краткой статье едва ли можно дать ответ на эти невероятно сложные вопросы, скорее, можно предложить только пути к поиску ответов.

Великая Отечественная война названа священной, причём не только мирскими правителями, но и Церковью. В первый же день войны глава Русской Православной Церкви, Местоблюститель Патриаршего престола Митрополит Сергей (Страгородский) обратился с посланием к «Пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви», в котором говорилось о вероломстве фашизма, звучали призыв к борьбе с ним и глубокая вера в то, что мы победим: «Положим же души своя вместе с нашей паствой. Путём самоотвержения шли неисчислимые тысячи наших православных воинов, полагавших жизнь свою за Родину и веру во все времена нашествий врагов на нашу Родину. Они умирали, не думая о славе, они думали только о том, что Родине нужна жертва с их стороны, и смиренно жертвовали всем и самой жизнью своей. Церковь Христова благословляет всех православных на защиту священных границ нашей Родины. Господь нам дарует победу».

По сути, каждый христианин призывался на битву с оружием в руках, то есть на убийство врага. При этом воинов, то есть тех,

ВОЙНА И ВЕРА

кто сражается и убивает, Местоблюститель без колебаний называет православными. Более того, в Русской Православной Церкви есть немало примеров прославления в лике святых военачальников и солдат: от Илии Муромского, до адмирала Фёдора Ушакова. Их прославили за воинские подвиги? Нет. Наименование «святых воинов» в православной традиции означает профессиональную принадлежность. Его присваивают тем, кто в мирской своей жизни имел отношение к ратному делу, но прославлены они не за это. Илия, завершив своё богатырское служение, принял монашество, жил кротко и смиренно, за что и прославлен в чине преподобного. Святой Иоанн Русский перенёс множество страданий от жестокого хозяина; отказался предать Христа и не принял ислам; и проявлял такую кротость духа и твёрдость в вере, что даже мусульмане стали почитать его, как святого. Вели-

кий флотоводец Фёдор Ушаков стал основоположником новой тактики морских сражений и автором беспрецедентной операции по овладению морской крепостью Корфу с помощью корабельного десанта. Он глубоко любил молитву и церковную службу, знал нужды каждого матроса, нередко всё свое жалование раздавал тем, кто служил рядом с ним, совершенно не думая о себе. Уже будучи в отставке, во время Отечественной войны 1812 года, Фёдор Фёдорович пожертвовал всё своё состояние на госпиталь для раненых русских солдат и формирование Тамбовского пехотного полка. Таким образом, прославлены эти и другие воины были за кротость и милосердие, за глубокую веру и любовь к ближнему, а вовсе не за ратные подвиги.

Известны случаи, когда люди монашеского и священнического звания идут в бой, чего делать, казалось бы, не должны. Исторический пример — монахи Александр Пересвет и Андрей Ослябя, которые по благословению преподобного Сергия Радонежского приняли участие в Куликовской битве с оружием в руках и погибли на поле сражения. Они канонизированы в чине преподобных. Есть и

более близкие к нашему времени примеры героических поступков священников.

Во время Первой мировой войны военный священник 3 гренадерского Перновского полка иеромонах Амвросий (Матвеев) совершил воинский подвиг. Это было в 1915 году. Во время ожесточённого боя, когда воины полка дрогнули и начали отступать, перед ними предстал отец Амвросий. Он устыдил малодушных и призвал вспомнить о воинском долге. Воодушевлённые своим пастырем, гренадеры не только вернулись на позиции, но и бросились в штыковую контратаку против врага. Бесстрашный иеромонах шёл с поднятым крестом в руке в рядах атакующих и погиб в бою. Мужественный пастырь посмертно был удостоен ордена святого Георгия. В 2020 году, кстати, объявлен конкурс на создание памятника священнику-герою.

Получается, что эти монахи нарушили заповедь, но были признаны святыми? Что это — политическая конъюнктура, в которой любят обвинять Церковь? На самом деле, никакого противоречия и, тем более, нарушения заповеди здесь нет. Обратимся к православным иконам. Повсеместно почитаемый архангел Михаил изображается с огненным мечом. Почему? В Откровении Иоанна Богослова рассказывается о сражении ангельского воинства, подчинявшегося Михаилу, с десятирогим и семиглавым драконом. Древний змий, согласно священному тексту, был низвергнут. Там же указывается, что дракон был «диаволом и сатаною». Вместе со змием потерпели поражение и демоны («ангелы его»). (Откр., 12, 7-9). Великому мученику Георгию Победоносцу изображается с копьём, то есть с тем оружием, которым он воевал и победил змея. Он был тысячником римской армии, умелым полководцем. Получается, что первая война была ещё до сотворения мира. Это говорит о том, что война — не столько материальный, сколько духовный процесс. Воюют не только люди, состязаясь в боевой мощи и силе оружия, — война всегда происходит между добром и

злом. Не бывает так, чтобы добро воевало с добром, хотя возможно, что сталкиваются и две злые силы, чтобы соблазнить и втянуть во зло добро.

Господь Иисус Христос предупреждал, что войны будут сопровождать все время земного существования человечества: «Также услышите о войнах и о военных слухах. Смотрите, не ужасайтесь, ибо надлежит всему тому быть, но это еще не конец» (Мф. 24: 6). В современном мире граница между добром и злом проходит не только через человеческие сердца, но и через народы, государства, через все, происходящее на земле. Когда приводятся слова апостола Павла, что наша брань не против плоти и крови, а против духов злобы поднебесной, то имеется в виду, что главная наша война ведётся в собственном сердце. Но, живя в этом мире, неся ответственность за него, невозможно только благобно созерцать происходящее, надо иногда выходить из окопа и идти под пули. Это самое высочайшее смирение — пойти навстречу смерти.

И тут мы вплотную подходим к другой заповеди Христовой, высшей заповеди: «Возлюби ближнего своего, как самого себя». При чём тут любовь, когда речь идёт о войне, об абсолютном зле, об убийстве? Война предполагает возможность высочайшего проявления любви, согласно словам Господа: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15:13). Конечно, это не любая война, такое может произойти только в том случае, если это война со злом. И только в том случае, когда воин, защитник, идёт воевать ради того, чтобы защитить свой дом, свою землю, своих близких. Война ради корысти или славы не может нести в себе никакой любви, даже если человек проявляет чудеса храбрости. Не потому идёт воевать христианин, что ненавидит злодея, а потому, что любит своих ближних, беззащитных. Нет у него другого способа их защитить, кроме как убить врага, и, вполне вероятно, быть убитым. У каждого из нас только одна жизнь. Нет человека,

которому бы она была недорога. Отдать жизнь на войне за другого — великая доблесть. Но если все идут на войну только умирать, цель защитить Отечество не будет достигнута. Поэтому существуют воинская наука, полководческий и военный талант, позволяющие вести войну эффективно и с меньшими потерями. Наука защищать Отечество предполагает и умение убивать врага, а не только героически погибать. Представьте, если бы в боях Великой Отечественной наши солдаты только гибли, опасаясь причинить зло врагу? Следом за ними погибли бы и мирные люди. Наша страна, наша Россия просто исчезла бы. Вместе с храмами, вместе с древними иконами, которые вовсе не интересовали завоевателей.

Очень многие клирики принимали участие в войне. Даже будущий Патриарх, во время войны иеромонах Пимен (Извеков), был заместителем командира стрелковой роты. Диакон Костромского кафедрального собора Борис Васильев, после войны ставший протоиереем, воевал командиром взвода разведки и дослужился до заместителя командира полковой разведки. Немало будущих священнослужителей во время Великой Отечественной были в самом пекле войны. Так, архимандрит Алипий (Воронов) в 1942—1945 годах участвовал во многих боевых операциях в качестве стрелка в составе 4-й танковой армии и закончил свой ратный путь в Берлине. Митрополит Калининский и Кашинский Алексей (Коноплев), был награжден медалью «За боевые заслуги» — за то, что, несмотря на тяжелое ранение, не бросил во время боя свой пулемет. На фронте верили в чудотворную силу икон и крестного знамения. Молитвы помогали сберечь душу от ожесточения. Те же, кто нечеловечески тяжело трудился в тылу, находили время и силы, чтобы в молитвах просить Бога уберечь родных от гибели. От фронтовиков часто приходилось слышать, что даже закоренелые атеисты вдруг начинали молиться перед атакой, украдкой осеняли себя крестным знаменем, прежде чем поднять-

ся в полный рост под пули врага, и политруки закрывали на это глаза. Да и сами шептали что-то, явно не устав партии или цитаты из работы Ленина. Странное это было сочетание: с одной стороны, мат, ругань, просто нечленораздельный рев рукопашного боя, с другой — молитва.

Об отношении Церкви к войне в своё время писал митрополит Филарет Вознесенский, Первоиерарх Русской Православной Зарубежной Церкви: «Одним из наиболее ярких и самоотверженных подвигов в деле служения своему отечеству у нас признается смерть за Родину, главным образом — на войне. Христианин-воин, защитник родины и ее святынь, явно исполняет заповедь Христову: «Нет больше той любви, если кто душу свою положит за друзей своих»... Конечно, война сама по себе есть, безусловно, зло, крайне печальное явление, глубоко противное самым основам христианства. Нечего и говорить о том, как было бы отрадно, если бы люди перестали воевать друг с другом и на земле воцарился бы мир. Но печальная действительность говорит совсем иное. И только разные мечтатели, далекие от действительности, и узко-односторонние сектанты могут отрицать войну, так сказать, не допускать ее в действительности. Вне всякого сомнения, те, кто указывает на заповедь «не убий», справедливо говорят о том, что война есть нарушение этой заповеди... Однако мы видим из св. Библии, что в самое ветхозаветное время, когда была дана эта заповедь, Израильский народ воевал по Божьему повелению, и с помощью Божией — побеждал врагов. Этой заповедью запрещается только личная расправа одного человека с другим по его личному решению и произволу...

Да, уже говорили мы о том, что война — отрицательное явление в истории человечества... Однако она будет существовать, как иногда единственное на земле средство защиты правды, защиты попираемых святынь и прав народа от захвата, от грубого вторжения и насилия. И только такие войны — во имя справедливости и

восстановления порядка и правды — берутся христианским учением под свою защиту...». Человек, не желающий принимать участие в защите Отечества, совершает не менее тяжкий грех — грех предательства, какими бы словами он это ни обосновывал.

Так что же, все воины, погибшие на поле боя, могут быть объявлены мучениками? Герои войны часто претерпевали невероятные страдания. Но страдания не равны мученичеству, это принципиально разные вещи. Часто в слове «мученик» выделяются именно физические страдания, но на самом деле это слово переводится как «свидетель», свидетель о Христе. Мученичество всегда обусловлено одним обстоятельством — верой в

Одним из наиболее ярких и самоотверженных подвигов в деле служения своему отечеству у нас признается смерть за Родину, главным образом — на войне. Христианин-воин, защитник родины и ее святынь, явно исполняет заповедь Христову: «Нет больше той любви, если кто душу свою положит за друзей своих»...

Спасителя. Мученическая смерть возможна в годы гонений на христиан либо от рук тех, кто отрицает христианство. Мученическая кончина особая. Христиане в древности, да и не только в древности, но в совсем близкие советские времена объявлялись врагами империи, строя, их презирали, считали изгоями. Гибель на войне, даже самая мучительная, — общественно одобряемое явление. Человек, погибающий за Отечество, ощущает за собой страну, он понимает, что совершает героический поступок. Христианин уповает только на Господа. Это не умаляет значение военного подвига, просто это явления совершенно разного порядка, они не должны смешиваться. Обратимся вновь к примерам православных воинов-иноков. Они

шли на битву, ожидая гибели, как наиболее вероятного события. По сути, это была осознанная жертва с их стороны. Не за награду, не за признание героизма, а за верную смерть. В большинстве своём воины, совершавшие героические поступки на войне, были отмечены наградами, званиями, и они это принимали как должное. «Так скажу, зачем мне орден, я согласен на медаль», — говорит устами многих простых солдат-тружеников войны Василий Тёркин. Мученику же медаль не положена, и только воля Божия выводит из забвения неизвестных святых и воздвигает их над людьми, как пример веры и верности Христу. Кроме того, как это ни печально осознавать, большое число павших за Родину не были христианами, даже если и были крещены в детстве. Обстоятельства жизни в советском государстве вере не способствовали. Но, думается, их подвиг за несколько мгновений до смерти смыл многие прегрешения. У Господа свой счёт и неисчерпаемое милосердие. Нам же, потомкам, заповедана память и молитва о всех погибших.

Мы живём в падшем мире, полном страданий и грехов. Война — концентрация этих печальных обстоятельств. Но и на войне христианин обязан оставаться христианином. Не предавать, не прятаться, не пытаться сохранить свою жизнь любой ценой. И самое невероятное — не ненавидеть. «Не радуйся смерти человека, хотя бы он был самый враждебный тебе: помни, что все мы умрем», — говорит Священное Писание (Сир. 8:8). Время же без войн и насилия, когда «перекуют мечи свои на орала, и копыя свои — на серпы; не поднимет народ на народ меча, и не будут более учиться воевать» (Ис. 2. 4) и когда «волк будет жить вместе с ягнёнком, и барс будет лежать вместе с козленком... Не будут делать зла и вреда на всей святой горе Моей, ибо земля будет наполнена ведением Господа, как воды наполняют море» (Ис. 11. 6-9) — удел Будущего Века и конца истории.

Елена Чернакова

СПАСИБО ДЕДУ...

*Проезжаю я злоеущие места:
Там, где человек — главное богатство недр,
Где, ещё с войны, бойцы лежат -
По трое на один квадратный метр.*

Игорь Растеряев «Георгиевская ленточка»

Случился однажды на интернет-форуме обычный разговор о прогрессивном влиянии Европы на российскую дикость. А один очень либеральный, но русский участник беседы скромно заметил: у нас памятники борцам с европейскими просветителями в каждом селе стоят.

Для нас, сибиряков, эти памятники слишком условны, сливаются с государственной пропагандой и мало трогают душу. Совсем по-другому они выглядят на местах боев, там, где каждый метр земли буквально, а не образно, полит солдатской кровью. Десять лет назад я прочувствовал эту разницу, когда поехал в гости к деду, погибшему в новгородских болотах на дальних подступах к Ленинграду осенью 1941 года. С тех пор географические названия Демянск, Лычково, Кневицы, Вершина, болото Невий мох обрели в душе личное звучание и наполнились глубоким смыслом.

История распорядилась так, что мой дед Тихобаев Леонид Николаевич 1913 года рождения ушел на будущий фронт ещё до начала боев. Для руководства нашей страны уже весной 1941 года стало очевидным приближение войны и была начата скрытая мобилизация под видом полевых сборов запасников. Как вспоминала бабушка Елеканида, деда призвали в лагерь на несколько месяцев, и летом он должен был

вернуться домой, даже написал письмо о скором возвращении, но не успел. Он служил в 38-м отдельном инженерном батальоне 11-й Армии, имевшей штаб в г. Каунас Литовской ССР. 22-е июня 1941 года дивизии Армии встретили на марше в районы рассредоточения на случай войны. Организованные действия Армии продолжались всего 2 дня. 24 июня 1941 года немецкие части взяли Вильнюс и Каунас, и после этого командование фронтом прекратило связь со штабом 11-й Армии, решив, что штаб Армии попал в плен, настолько нереальными казались его донесения. Разрозненные остатки соединений Армии пытались найти выход, однако оставался всего один путь — на восток в общем направлении на Полоцк. Высшим командованием 11-я Армия была обнаружена только 30 июня 1941 года.

О царившем хаосе красноречиво говорит телеграмма Начальника Генерального штаба Г.К. Жукова нижестоящим командирам: «В районе станций Довгилмишки, Колтыняны, леса западнее Свенцяны найдена 11-я армия Северо-Западного фронта, отходящая из района Каунас. Армия не имеет горючего, снарядов, продфуража. Армия не знает обстановки и что ей делать. Ставка Главного Командования приказала под вашу личную ответственность немедленно организовать вывод

этой армии из района Свенцяны в район севернее Двины...». На тот момент 11-я Армия потеряла до 75% боевой техники и около 60% личного состава.

Ясных сведений, где воевал 38-й отдельный инженерный батальон нет, лишь упоминание места гибели деда 20 октября 1941 года у деревни Вершина Новгородской области подсказывает мне, что батальон возможно был придан 202-й стрелковой дивизии, историю которой я считаю боевым путем командира отделения саперов младшего сержанта Тихобаева Леонида Николаевича.

Командиром 202-й стрелковой дивизии служил героический человек — полковник Штыков Серафим Григорьевич. Нигде в документах не встречается упоминаний о допущенной потере управления или хаосе в дивизии, даже в самые тяжелые моменты боев. Начав войну с первого дня, дивизия к августу 41 года занимала оборону у города Старая Русса нынешней Новгородской области немного южнее знаменитого озера Ильмень. Отступая перед превосходящими силами противника, дивизия оказалась в окружении, прижатой к болоту Невий мох в районе станции Пола. От неминуемой гибели дивизию спасли саперы, проложившие путь через огромное болото, и 2 сентября дивизия, совершив 30-километровый

марш, вышла на восточный берег к своим, и сразу была брошена в бой к железнодорожной станции Лычково, где сложилась крайне тяжелая обстановка. К тому времени оборонял станцию лишь железнодорожный батальон, других войск здесь не было. Со взятием Лычково немцам открывался свободный путь на Валдай. 202-я дивизия с марша вступила в бой и выправила положение. Дальше, в сторону Валдая, враг не продвинулся.

Станция Лычково — это особая точка на карте войны, её трагическая история достойна отдельного рассказа и связана с гибелью множества ленинградских детей. Первая волна эвакуации жителей из Ленинграда началась 29 июня 1941 года и производилась в Демянский и Лычковский районы тогдашней Ленинградской области в связи с тем, что в первые недели Великой Отечественной войны считалось, что опасность Ленинграду угрожает со стороны Финляндии, из-за чего, как позднее стало ясно, людей ошибочно эвакуировали прямо к линии фронта. Вечером 17 июля 1941 года на первый путь станции Лычково прибыл один из эвакуационных поездов. К тому времени на станции скопилось около 2000 детей и сопровождающих их педагогов и медиков. Поезд ожидал

подхода очередной группы детей из Демянска, которые прибыли после полудня 18 июля. Фронт отстоял отсюда всего в 150 километрах — на станции были и воинские эшелоны. После полудня станция подверглась налёту немецкой авиации. Для немецких лётчиков детский эшелон был такой же целью, как и все остальные... Писатель-фронтовик Валентин Динабургский, воевавший тогда на Северо-Западном фронте рассказывает: «...Фрагменты детских тел висели на телеграфных проводах, на ветвях деревьев, на кустарниках. Стаи ворон, чуя поживу, с гвалтом кружили над местом трагедии. Солдаты собирали изуродованные тела, быстро начавшие разлагаться под влиянием жары. От смрада тошнило и кружилась голова. Через пару дней на Лычково нахлынули матери несчастных жертв. Простоволосые, растрёпанные, они металась между путей, искорёженных взрывами бомб. Они незряче бродили по лесу, не обращая внимания на минные поля, и подрывались на них...» После войны на станции Лычково был возведен мемориал в память о погибших ленинградских детях.

Поздней осенью 1941 года линия фронта у станций Лычково и Кневицы стабилизировалась и стала северной границей будущего «Демянского котла» — первого крупного окружения немецких войск в Великой Отечественной войне. Демянский плацдарм был сформирован гитлеровскими войсками в результате прорыва нашей обороны в сентябре 41-го. Силами 16-ой армии группы армий «Север», южнее озера Ильмень, оборона была прорвана и гитлеровские войска глубоко вклинились в линию нашего фронта в направлении г. Валдай и оз. Селигер. Был занят город Демянск, районный центр нынешней Новгородской области. Гитлер придавал огромное значение захваченному плацдарму, рассчитывая использовать его для наступления на Москву. Группировка включала в себя более ста тысяч солдат и офицеров. Гитлеровское командование называло демянскую группировку пистолетом, направленным в сердце России. Немецкая оборона выступала состояла из созданных на господствующих высотах сильных узлов сопротивления. Труд-

непроходимая лесисто-болотистая местность усиливала защитные свойства обороны. После разгрома немецко-фашистских войск под Москвой, появилась возможность усилить Северо-Западный фронт. Войскам была поставлена задача: отрезать вражескую группировку от основных сил, окружить ее и уничтожить. В январе 1942 г. началась «1-я Демянская операция».

Наступление войск Северо-Западного фронта началось на правом крыле 7 января, а на левом крыле 9 января 1942 года. Вначале 11-я армия добилась успеха, и к исходу 10 января её войска охватили Старую Руссу. Впоследствии, однако, бои за город приняли затяжной характер. Медленно продвигались и соединения правого фланга 34-й армии, стремившиеся перерезать линию железной дороги на участке Лычково, Пола. К середине января войска Северо-Западного фронта охватили демянскую группировку с севера и юга и создали благоприятные предпосылки для успешного завершения операции. 29 января советские войска возобновили наступление и в условиях бездорожья и глубокого снежного покрова сломали сопротивление гитлеровцев, и 25 февраля части 1-го гвардейского стрелкового корпуса, наступавшие с севера на Рамушево, соединились с 42-й стрелковой бригадой 34-й армии, наносившей удар с юга. В результате наступления старорусская и демянская группировки противника были разъединены и последняя в составе 6 дивизий оказалась окруженной. Так образовался Демянский котёл.

Перед советскими войсками встала задача как можно быстрее ликвидировать окруженного противника. Однако борьба затягивалась. К тому же окруженную группировку не удалось блокировать с воздуха, что позволило противнику перебрасывать на

280 тысяч человек, очень многие погибшие солдаты остались непогребенными в местах жестоких сражений.

После войны в лесах и болотах новгородчины развернулось широкое народное движение поисковых отрядов, занимающихся достойным захоронением павших бойцов. Посетив в 2008 году места, где воевал и погиб мой дед, я был поражен живым и равнодушным отношением местных жителей к памяти погибших воинов. На станции Кневицы находится большое, хорошо ухоженное братское кладбище с храмом во имя Святой Троицы, а в местной школе создан невероятный историко-краеведческий музей «Красная гвоздика». Он наполнен найденным в лесах оружием и снаряжением богаче, чем иной государственный музей войны. Особенно удивили рассказы жителей, что всё это великолепие — плод многолетней работы исключительно местных предприятий, поисковиков, учителей и школьников.

и воспринимают его, как заботу о человеке даже после его смерти. У нас же наоборот — полное пренебрежение к трупам убитых. По дорогам от г. Каменска Ростовской области до Харькова я немало встречал убитых красноармейцев, трупы которых валялись по 10—15 дней на дорогах в грязи, канавах, в полях. По этим дорогам проезжают воинские части и наблюдают эту недопустимую картину нашей халатности. Для каждого воина Красной Армии совсем не страшна смерть, но, по-моему, очень страшно очутиться на месте убитого, брошенного на дороге, как что-то никому не нужное, забытое. Приходилось очень редко встречать хорошо оформленную могилу на старший командный состав с памятным знаком и надписью боевых друзей. Что касается красноармейцев, так в лучшем случае составляется акт, и на могилы не ставятся никакие знаки. Считаю, что вопрос обязательного и своевременного захоронения погибших воинов Отечественной войны является одним из важных вопросов агитационного порядка, который отражается на психологии красноармейца. И порядок захоронения, и установки памятных знаков на могилах необходимо упорядочить в законодательном виде».

самолётах окруженным войскам пополнение, боеприпасы, продовольствие и эвакуировать раненых. Только в течение марта 1942 года немецкая транспортная авиация сделала в район Демянска свыше 3000 самолето-рейсов, перебросив на пополнение до 10 батальонов и большое количество боеприпасов и продовольствия. Удачная операция по организации воздушного моста в Демянск через год сыграла с немцами злую шутку в Сталинграде, когда они самонадеянно не стали пробиваться из окруженного города, горделиво уверенные в своих транспортных самолетах.

К 20 марта обстановка на Северо-Западном фронте резко осложнилась. Немцы нанесли удар в направлении на Рамушево в стык 11-й и 1-й ударной армий. Наступление было поддержано крупными силами авиации. Позже окруженные войска противника нанесли встречный удар севернее Залучья, также в направлении Рамушева. В результате развернувшихся боёв, противнику ценой больших потерь удалось прорвать фронт окружения и образовать так называемый рамушевский коридор шириной до 4 км и 23 апреля соединиться с окруженной группировкой. В дальнейшем ожесточенная борьба развернулась в зоне этого коридора, который к концу апреля был расширен противником до 6—8 км. Рамушевский коридор так и не удалось ликвидировать. Тем не менее наступательные действия в районе Демянска оказали положительное влияние на общий ход военных действий на северо-западном направлении всего советско-германского фронта. Общие потери советских войск в демянской операции оцениваются до

Надо сказать, что само поисковое движение зародилось после войны и существует до сих пор, как особый общественный феномен, как реакция на вопиющее беспамятство государства, переложившего важнейшее дело заботы о павших воинах на плечи местных хозяйств, школ, отдельных энтузиастов и детей. Уже почти 80 лет не теряют актуальности горькие слова, которые написал в 1943 году председатель Львовского облисполкома Н.М. Петренко в Главное Политическое Управление Красной Армии: *«Я считаю вопрос о правильном погребении погибших советских бойцов и командиров вопросом важным, влияющим на боевой дух армии. Немцы крепко учитывают психологическое воздействие на живых солдат соблюдения ритуала погребения*

Многие годы прошли с военной поры и слава Богу, что за победными маршами не умерла память о всенародной трагедии, что работают поисковики, создаются сетевые ресурсы о павших героях, что мы всё ещё живы и способны чувствовать боль.

Юрий Тихобаев

*Как много лишнего мы слышим в дни побед,
Но только этой патоке с елеем
Не очень верят те, кто в десять лет
Питался, в основном, столярным клеем.*

*А время умножает всё на «ноль»,
Меняет поколение поколением,
И вот войны подлеченная боль
Приходит лишь весенним обострением.*

Игорь Растеряев «Георгиевская ленточка»:

Покуда сердца стучатся, помните...

ТЕРЕХИН
Иван Иванович

КЛИМОВ
Семен Парфентьевич

ЛИТВИНОВ
Петр Дмитриевич

В преддверии юбилея Великой Победы мы обратились к нашим прихожанам с вопросом: «Какой след в жизни вашей семьи оставила Великая Отечественная война, что вы говорите детям о войне, о своих родных, прошедших войну?»

Вот уже 75 лет как закончилась война, а память о ней все еще жива во многих наших семьях. Война осиротила семьи двух моих бабушек. Один мой дедушка — погиб в ноябре 1941-го под Москвой, оставив сиротами двух малолетних детей, а другой — Климов Семен Парфентьевич, был убит в 1944 году в Латвии, оставив четырех детей. Им обоим было по 33 года.

Моя мама никогда не видела своего отца, а я и мои братья не знаем, что такое дедушка. Бабушка рассказывала, как тяжело им жилось во время войны, хотя и жили они в глухой сибирской деревне. Голод, холод, тяжелейшая работа... Зимой они с женщинами вечерами после работы вязали специальные перчатки для бойцов (вывязывали большой и указательный палец), а в один из годов был сильный мороз и замерзла вся картошка, которая была в погребе. Власть изымали все излишки продовольствия для фронта, поэтому жилось очень голодно.

Одна из бабушек после войны еще пыталась создать семью, завести детей, но оказалось, надорвалась на тяжелой работе и детей больше иметь не могла. Дорогие наши бабушки сначала воспитали и поставили на ноги своих детей, потом и нам, внукам, посвятили всю свою жизнь, заботились о нас, сохраняли память о наших дедах, Царствие им всем Небесное и вечная память!

Екатерина

Старший из моих дедушек на момент начала Великой Отечественной войны служил в армии, поэтому воевал буквально с первых её дней, чудом выжил, после госпиталя, уже на инвалидности, трудился в тылу. Он всегда менял тему разговора, когда я пыталась задавать ему свои детские вопросы о войне. Только потом поняла, что лукавить, видимо, он не хотел, а правда была слишком страшной, чтобы рассказывать маленьким внукам.

Детям говорим как есть — что таким героям, как их прадед, нужно быть благодарными за нашу страну. Каждый год они ходят с «Бессмертным полком» с армейской фотографией Литвинова Петра Дмитриевича, а потом мы стараемся по возможности собраться с родными в селе в Томской области, где они с бабушкой Варварой Васильевной жили последние годы.

В День Победы просим молитв об упокоении р.б. Петра. Это был последний день его жизни перед отшествием ко Господу.

Марина

Мой дедушка, Иванов Михаил Григорьевич, был призван в начале войны в возрасте 32-х лет. Сначала он был рядовым солдатом, потом ему присвоили звание старшины. Дедушка участвовал в боях на Западном фронте, направление — Смоленск. Участвовал в боях за

Смоленск, Псков, Ригу, воевал на фронтах: Западный, Первый Прибалтийский, Второй Прибалтийский, Ленинградский. За взятие городов: Смоленск, Псков, Рига, Верховным Главнокомандующим их части была объявлена благодарность. Потом дедушка был награждён медалью «За отвагу» и орденом «Отечественной войны Первой степени».

К сожалению, о войне он не любил рассказывать, говорил всегда одно: «Когда лежал в окопе, мечтал только об одном, что, если выживу, буду ходить в одном кителе, но голодать больше не буду». Все четыре года войны были очень тяжёлыми: города, деревни, населённые пункты приходилось брать с боями, не раз приходилось ходить в рукопашную, в атаку. Много пришлось форсировать рек больших и малых. Дедушка часто говорил: «За четыре года шапку ни разу не снимал». А ещё остались записи, в которых он описывает один эпизод: «Нам было дано задание сходить на разведку. Мы узнали о немецком расположении и утром, когда немцы получили завтрак, когда к кухне подъехали два их взвода, мы, пройдя скрытно по лощине на лыжах, взяли в плен всех немцев вместе с поваром. На следующий день пошли в наступление. Нашего командира роты убило, он находился в землянке. В том бою в живых остались немногие, но мы не отступили. Потом долго ждали пополнения. Награды наши пропали».

Дедушка трижды был тяжело ранен. Последнее ранение в грудь, было особенно тяжёлым, с осложнением, но это спасло ему жизнь,

ИВАНОВ
Михаил Григорьевич

ЧИГАРНОВ
Леонид Яковлевич

МОЙСЕЕНКО
Ефрем Дмитриевич

потому что вся его рота погибла в одном из следующих боёв.

Вернувшись с войны, он женился, родились дети. Мама рассказывала, как дедушка часто баловал их дорогими шоколадными конфетами в то время, когда нужны были деньги на строительство дома.

Уже в преклонном возрасте, потеряв зрение, дедушка продолжал интересоваться жизнью каждого из нас, он не желал быть бесполезным, не имел привычки сидеть без дела, был очень терпеливым и сильным. Я очень хорошо его помню и, конечно, своим детям рассказываю о нём, о том каким он был бесконечно добрым, весёлым, умным, интересным человеком, и что пришлось пережить ему и всем людям нашей страны в это страшное время.

Наталья

Мой дед Ефрем Дмитриевич прошел всю войну, он был сапером. Каждый, наверное, понимает, что это такое... Войну он закончил с двумя Орденами Красной Звезды, медалью «За отвагу» и еще со многими наградами. До войны у него было четверо детей, после войны родилось еще трое. Всех он воспитал, поставил на ноги. Мы, многочисленные внуки, считали его героем, приставали с расспросами, но о войне он говорил очень неохотно и мало. А вот бабушка часто рассказывала, как ей трудно и голодно жилось с четырьмя детьми во время войны. В 1941 году они жили в городе, но как только дед ушел на фронт, она взяла детей и ушла в деревню

к родителям (Искитимский район). Бабушка была усердной молитвенницей и каждый день вместе с детьми молилась перед иконами о возвращении мужа. Моя мама родилась в 1940 году и была еще совсем маленькая, но очень хорошо помнит как они стояли на коленях и плакали: «Господи, пусть папка вернется!». И Господь услышал! Мой дед прожил долгую жизнь и умер в возрасте 88 лет. Мы бережно храним память о нашем дедушке: рассказываем своим детям и внукам о нем, показываем фотографии, недавно нашли описание его подвигов на сайте <https://pamyat-naroda.ru>. Рекомендую, очень хороший сайт. Каждый год вместе с детьми участвуем в шествии Бессмертный полк 9 мая.

Сергей

Хочу поделиться историей моего дедушки, Чигарнова Леонида Яковлевича (31.05.1922-11.03.2016). В мае 1941 года дедушка закончил школу и был зачислен курсантом в Новосибирскую военно-авиационную школу лётчиков. После успешного её окончания в 1943 году и присвоения офицерского звания, был оставлен при училище инструктором по подготовке лётного состава. Неоднократно дедушка обращался с просьбой о направлении на фронт, но умелые инструкторы были нужнее здесь, в тылу, так как готовили десятки и сотни военных лётчиков. Как только США начали поставлять военные самолеты по лендлизу, дедушку направили в составе особой секретной группы на Дальний

Восток. Там принимали американские самолёты и перегоняли через всю Сибирь и Урал на линию фронта.

Дедушка был самым младшим в семье среди своих 10 братьев. Все они воевали, были ранения и плен, прошли всю войну. Но не все вернулись... Бабушкин отец Николай погиб смертью храбрых на Курской дуге, бабушкин брат Борис — при форсировании Днепра. В его честь бабушка назвала моего папу Борисом. Никто не забыт....

Этот год, год 75-летия со дня Победы, мы в семье решили посвятить военной тематике: вместе смотрим фильмы о войне, после просмотров обязательно изучаем и обсуждаем документальную хронику тех событий, прочитали уже не один десяток книг о войне; ежегодно на 9 мая принимаем участие в шествии в Бессмертном полку. Всегда останавливаемся у нашей аллеи ветеранов, у деревца, которое посадил мой дедушка.

Юлия

МЫ — ДЕТИ ВОЙНЫ

Говорят, что время — это деньги, а для нашего поколения 30-40 годов прошлого века, время — это живая память, помеченная горькими и одновременно светлыми воспоминаниями о Великой Отечественной войне советского народа. Я — его членица, я — его дитя, дитя войны.

Случилось так, что перед войной трагически погиб наш отец и все заботы о четырех детях и 95-летней бабушке легли на плечи нашей дорогой мамы. Она была великой труженицей, и хоть и была неграмотной, но всех нас выучила и дала образование.

В те годы мы жили в безлесной степи на Алтае: без электроэнергетики, отопление — не дровами и углем, а самодельными навозными кизьяками, выживали за счет огорода и личного хозяйства. Звучит вроде привычно, но когда в семье нет взрослых мужчин, то копка огорода, заготовка вручную сена для скота, изготовление сотни кизьяков оборачивалось тяжелым каторжным трудом, без отдыха

и выходных. Мы, дети, посильно «впрягались» во все неисчислимые заботы и тяготы и старались не огорчать маму ни в работе, ни в учебе. Да и как можно иначе? Ведь все мы и работали, и учились не только для себя, но и для страны, для Победы над фашистами! В организованном порядке каждое лето участвовали в сборе колосков с полей, в прополке вручную полей пшеницы и сахарной свеклы. Приходилось жить и на полевых станках. Замечу, что и в сдаче натуральных налогов от личного хозяйства (молока, мяса, шерсти, шкур и пр.) была весомая частица и нашего труда, вливавшегося в труд всей страны, всего народа, одолевшего самого злостного врага человечества. А живым и незабвенным примером для нас была наша мама — самоотверженная, любимая, святая.

Время неостановимо! Уходят последние непосредственные участники и ветераны войны, труженики тыла. Но еще жива наша память, память детей войны. На встречах с нынешними школьниками можно бы много рассказать и передать нашу эстафету памяти о том не простом времени.

*С уважением,
Екатерина Пархоменко, 1930 г.р.
«Дитя войны».*

«ПРОЩАЙТЕ, ВСЕ МОИ РОДНЫЕ...»

Почему важно помнить о войне и рассказывать о ней детям? Потому что память о войне объединяет. Это общая память для всех нас. Мы все потомки единого Бессмертного полка. Каждый человек, живущий в России, каждая семья.

У любой русской семьи есть своя военная история. О ней очень важно рассказывать детям. Потому что маленькие истории каждой семьи обязательно когда-нибудь сольются в сознании ребенка в одну большую, общую для всех историю.

Военные истории семьи Морозовых (моей мамы) и Гаряевых (мамы моего мужа) до странности похожи. Наши бабушки встретили войну в зрелом возрасте, у

них уже родились дети. У Феклы Морозовой — пятеро, у Марии Гаряевой — тоже пятеро (но к этому времени в живых осталось трое). Семьи жили далеко друг от друга: Гаряевы — в Кировской области, Морозовы — в Воронежской. Но в первые дни войны кормильцы обеих семей ушли на фронт. Тогда никто еще не знал, что, вопреки войне, вскорости в этих семьях ожидается пополнение! В 1942 году, с разницей всего в один месяц, в той и другой семье родились девочки, шестые. Это были наши мамы! Они появились на свет в страшное военное время, в их жизнь и счастье трудно было поверить! Их никогда не увидели их отцы, наши деды, потому что в том же 1942 году оба они, Федор Морозов и Михаил Гаряев, пропали без вести. Наши бабушки остались во главе больших семейств. Много пришлось им пережить страданий, тяжкого труда и страха за близких. Очень тяжело было и им, и их детям, сполна узнавшим тяготы военного детства. Однако до конца дней наши бабушки не переставали любить и ждать своих мужей. Обе говорили о том, что «пропал без вести — это ведь не погиб». Обе до самой смерти хранили верность. Наверное, эта верность и любовь и их, и их мужей, которые в письмах с фронта благословили новорожденных дочек, помогли девочкам выжить!

Позже эти девочки отправились на комсомольскую стройку в сибирский город Братск, где у них родились их дети, мы. Выросли, встретились и с удивлением узнали, как же похожи истории наших семей. На самом деле это одна история, наша общая. И деды наши общие, родные, за которых теперь молимся не только мы, но и наши дети. И те стихи, которые писал с фронта Михаил Гаряев в своем, как оказалось, последнем письме, адресованы нам всем.

*Прощай, семья моя родная,
Прощай, любимая жена,
Знать, судьба моя такая,*

ГАРЯЕВ
Михаил Александрович

ФРОЛОВ
Яков Васильевич

*Что не минует нас война.
Прощайте, все мои родные,
Вы вспоминайте обо мне...*

Мы вспоминаем. Помним. Любим.

Марина

Мой прадед Яков Васильевич Фролов с медалями прошел две войны: и первую, и вторую! Я его не знала, но мы храним память о нем.

Мой дед Александр Яковлевич, когда отец ушел на войну, был еще подростком, старшим в семье. В 15 лет ему пришлось работать в колхозе, чтобы прокормить маму, братьев и сестер. В 44-м его призвали и он успел послужить Родине! Под Кёнигсбергом дед был сильно ранен, и эта рана его мучила потом всю жизнь. Он вернулся с медалями и орденом!

Удивительная судьба у моей бабушки Анны Архиповны Колыхаловой. Она была дочерью врага народа. После того как их раскулачили в 37 году, ее маму и 6 детей сослали в шахтерский город Киселёвск. Когда началась война, бабушке было 16 лет, и она сама попросилась на завод по производству мин и снарядов, многие заводы тогда эвакуировали на Кузбасс. Она работала много, с утра до позднего вечера, и неожиданно у нее отказали ноги, она совсем не могла ходить! Ее мама возила ее на санках на работу, ссаживала на землю, где она сидя продолжала свою работу! Она рассказывала такую историю: однажды она решила увековечить свое имя и на нескольких снарядах начертала: Нюра Колыхалова. И самое интересное,

ПОЙТО
Иван Яковлевич

КУЛЕШОВ
Кузьма Фёдорович

что ее родной брат, бывший на фронте, потом рассказывал, что к нему попался такой снаряд! Как он сильно радовался!! У бабушки были медали за работу в тылу, и она очень этим гордилась!

Другой мой прадед Петр Ульянович Шестеров очень хотел пойти на фронт, но он работал в шахте, и у него была бронь, так как очень нужен был уголь. Его жена тоже трудилась на шахте.

Удивительно, но прямые мои родственники прадеды и деды остались живы в годы войны, но очень много погибло их родных!

Мы со своими детьми всегда с трепетом и уважением говорим о войне, о Победе, и я стараюсь передать им понимание и знание о нашем вкладе в Великую Победу! И главное — привить детям уважение и гордость за русских людей!!

Анна

Великая Отечественная война стала тяжелейшим испытанием нашему Отечеству. Неизмеримое горе принесла она в семьи людей.

Ежегодно 9 мая со слезами на глазах мы празднуем День Победы. Одно поколение сменяется другим, а память о той страшной войне живёт в наших семьях пожелтевшими фотографиями, письмами-треугольниками с фронта, бережно хранимыми наградами тех, кого с нами уже нет.

В самом начале войны погиб на границе Алексей, младший брат моего отца. Он защищал тебя, Родина.

В 1942-м под Каневом погиб Кузьма, старший брат мамы, ему

было 24 года. После расстрела в 1937-м дедушки Федора («...за участие в контрреволюционном заговоре и религиозную пропаганду») старший сын стал кормильцем шести сестрам и братьям, младшему из которых был 1 год. Бабушка получила извещение: «...Пропал без вести». Детей она растила одна и не дождала до того дня, когда стало известно (через 47! лет после вой-

ны) место гибели ее сына, и что он похоронен в братской могиле с другими 3000 солдат.

В 1943-м погиб дедушка Григорий. Осиротели пятеро детей. Бабушка была истинно верующим человеком. Так и вырастила всех с молитвой и упованием на Господа. Мой супруг никогда не видел своих дедушек (как и я не видела своих).

Всю войну в разведке воевал другой брат мамы Петр. Дошел до Берлина. После войны восстанавливал разрушенное, трудясь архитектором.

Брат моего отца Дмитрий попал в окружение. Фашисты ставили красноармейцев на край глубокого рва и расстреливали. Дядя Дмитрий упал не убитым, а раненым. Это спасло ему жизнь. Ночью он выполз из-под убитых. После ранения вернулся в строй. Прошел войну. Вырастил шестерых детей. Трудился шахтером, на которого равнялись другие.

Дорогой мой папа Иван ушел на войну в самом ее начале. Воевал в 228 Гвардейском гаубичном полку. Сражался, защищая Ленинград (за оборону Ленинграда был награжден медалью). Был дважды ранен, получил контузию, которая очень сильно подорвала слух. Мама рассказывала, как ещё долго после войны папа кричал и стонал во сне и шел в атаку. Когда вернулся домой с войны, встретил маленького сына (мой старший брат родился в октябре 1941 года, когда папа уже был на фронте), протянул ему гостинец — кусок саха-

ра (раньше был комковой сахар, похожий на камни белого цвета). Братец лизнул этот кусок и бросил, он не знал вкуса этой сладости. А не знали не только этого, но и многого другого. И хоть были в деревне, а жили все равно голодно, потому что все отдавалось фронту. Хлеб с лебедой и суп с крапивой знали не понаслышке. Вся тяжёлая работа легла на женские плечи: пахота, сев, заготовка дров, сенокос. По вечерам пряли пряжу и вязали для бойцов варежки, носки, шили кисеты, собирали посылки. Если в избе собирались верующие, то молились и тихо пели псалмы.

Кровью и потом, подвигом и непосильным трудом ковалась победа в той войне.

«...Славы никто у тебя не выпрашивал, Родина. Просто был выбор у каждого: я или Родина».

Это о вас сказал поэт, дорогие наши солдаты Победы. Миллионы полегли на полях сражений. Все меньше остаётся в живых тех, кто шел дорогами войны. Но вы не уходите в безывестность. По всем странам, городам и весям идет Бессмертный полк! И всякий раз, когда я смотрю на живую людскую реку, в которой и убежденные седины, и малые дети, я чувствую, что ТЕ, кто поднимал в атаку, тихо возносил молитвы ко Господу, горел в самолётах, бросался под танки, спасал под пулями раненых, становился пеплом в печах крематориев, делился с товарищем фронтовым пайком — все ОНИ здесь, в строю. Они идут бессмертным маршем, а мы..., а мы-за ними. Иначе быть не должно.

Низкий поклон и вечная память ВСЕМ, кто в страшную годину БОЖИЕЙ МИЛОСТИЮ не дрогнул, не сломался, а вынес все и даровал Мир всему миру.

Люди! Покуда сердца стучатся, помните

Какою ценой завоёвано счастье! Детям своим расскажите о них, чтоб запомнили!

Детям детей расскажите о них, чтобы тоже запомнили!...

Раиса Ивановна

ПОБЕДА БЕЗ ИДЕОЛОГИИ

Мое отношение к Великой Отечественной Войне? Не могу сказать, что она вызывает во мне какие-то особенные чувства. К сожалению... Мне не нравится собственная апатия по отношению к родной истории.

Мои школьные годы пришлось на вторую половину восьмидесятых – закат СССР. История, как школьный предмет, была очень простой, линейной. От рабовладельчества человечество марширует через феодализм и капитализм к социализму – как последней ступени к совершенному обществу – коммунизму. Все, что до социализма, суть угнетение и борьба с угнетателями. Кстати, совершенно не помню в советских учебниках Византии, видимо, она не укладывалась в идеологическую схему. Пришлось бы объяснять про Вселенские соборы, иконоборчество, раскол; а для этого нужно показать суть расхождений между христианством, иудаизмом и мусульманством, что уже совсем лишнее. Поэтому сразу после Римской империи в советской истории наступали Средние века.

Великую Отечественную тоже построили в идеологию, по дороге убрав все «лишнее» и отшлифовав до состояния монумента. Победа стала частью торжества социализма над «фашизмом как наиболее уродливой формой капитализма», потеряв настоящее величие Победы в подлинно великой войне. Может, прозвучит крамольно, но, по моему мнению, больше всех в обесценивании подвига советского народа виновата советская историческая наука. Из истории Войны изгнали всякую живую мысль. В рамках идеологии подлинным патриотизмом, как и подлинным подвигом, могли быть только патриотизм и подвиг советские. Все просто человеческое было исключено, оставшись в художественной литературе.

Вся эта мертвая полуправда излагалась очень высокопарным, торжественным языком. И это было очень скучно. Вообще скучная, рутинная, пафосная ложь тог-

да была во всем. Пионерия, комсомол еще занимали большую часть школьной жизни, но они были уже мертвы – меньше всего в них верили комсомольские и пионерские руководители. Не веря, выступали на первое мая и седьмое ноября с речами о торжестве коммунизма; точно с той же интонацией девятого мая произносили речи о Победе. Победу сделали частью общей большой лжи.

Формализмом и ложью там, где предполагались энтузиазм и искренность, нам сделали «прививку» цинизма. В результате Советский Союз и Великая Отечественная как часть его истории стали нам неинтересны. Появившаяся спустя несколько лет информация о негативной роли СССР, о секретном протоколе пакта Молотова-Риббентропа, о Северной войне и тому подобном вызвала яростные споры. Но не среди молодежи.

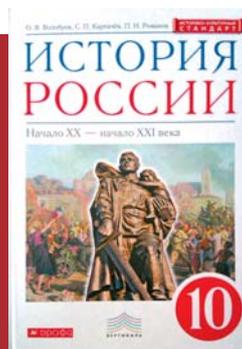
Сейчас я очень об этом жалею. Мой дед по материнской линии, Владимир Фёдорович Смирнов, родился в 1907 году, умер в 1997-м, когда мне было уже двадцать три года. Он был свидетелем трех эпох, жил до СССР и пережил его на несколько лет. Дед любил и умел рассказывать, и, если бы я его слушал, у меня сегодня была бы настоящая семейная история. Ведь без Великой Отечественной не было бы и меня.

Владимира Фёдоровича, насколько я знаю, эвакуировали в Новосибирск вместе с заводом, на котором он работал, и уже здесь родилась моя мама. Семью деда по отцовской линии раскулачили и отправили в Сибирь еще раньше. В иных обстоятельствах вряд ли могли встретиться дочь потомка петербургских офицеров и сын русского железнодорожника с Украины – а, благодаря

войне, мама и папа вместе учились в НЭТИ, познакомились там и поженились. При этом никто из моих родных дедов не воевал. Дед по отцовской линии, Михаил Данилович, работал на железнодорожной станции в Новосибирске. Такую историю – личную, живую – про то, как война повлияла на сугубо «тыловую» семью, я действительно мог бы рассказывать своим детям. Но я не слушал.

В последние годы появилось множество людей, готовых слышать свою историю. «Бессмертный полк», возникший благодаря гражданской инициативе «снизу», невероятно массовый, проходит в День Великой Победы, но, что очень важно – в память погибших ради нее, точнее, каждого погибшего. Интерес к истории касается не только Отечественной войны. Настоящий расцвет переживает любительское краеведение, становится популярным познавательный туризм. Но именно в отношении Великой Отечественной опять появилась идея из живой, а значит противоречивой и местами неприглядной истории сделать бронзовый монумент. Так, предложенные Президентом поправки к Конституции включают положения о том, что Россия « чтит память защитников Отечества и обеспечивает защиту исторической правды », а « умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается ». Прекрасные слова, но кто будет решать, в чем именно заключается « умаление значения подвига »? Что понимается под « исторической правдой »? Юридически ни того, ни другого термина не существует. Конечно, такие поправки могут вноситься с благими намерениями, но, как человек, выросший при идеологической диктатуре, я вижу здесь попытку сделать историю Войны такой, « как надо ». Красивой, вызывающей гордость и не вызывающей стыда, но, к сожалению, мертвой. Участь такой истории – равнодушные и забвение.

Антон Калтыгин

НЕЮБИЛЕЙНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ К ЮБИЛЕЮ ПОБЕДЫ

Город украсился надписями «75 лет Великой Победы». Они повсюду, разного дизайна и размера. Не всегда уместно, не всегда красиво, зато очень много. Кажется, всё правильно: юбилейный год, важнейший праздник. Патриотизм — идейная основа России. Это тоже звучит со всех сторон. При этом почему-то рассматривается только военизированная составляющая этого понятия. Георгиевские ленты на антеннах машин и дамских сумочках, военная форма времён войны на малышах. Военные реконструкции, конкурсы, фильмы, мероприятия. В юбилейную гонку включены все, от детсадовцев до руководителей разного уровня. Красиво, парадно, отчетность на уровне. Но имеет ли всё это реальное отношение к памяти о страшной войне? И насколько сохранилась эта память у современных людей?

Попробуйте поставить простой эксперимент — попросите старшеклассников назвать хотя бы по три имени полководцев Великой Отечественной войны, героев Советского Союза, перечислить значимые сражения. Услышите много интересного в ответ. Откуда нам это знать, искренне возмущаются молодые люди, в школе ещё не проходили, или уже прошли и забыли. А дома вы не говорите об этом? Нет, родители нам не рассказывали о войне. Поэтому Курская битва от Бородинского сражения практически неотличима. Война уходит в далёкую историю. А что остаётся? Официальная парадность, которая не привлекает, а отталкивает молодых. Почему? Потому что это — ненастоящее. Не то, что они пережили, прочувствовали сами, пропустили через свою душу. Исчезла связь между теми, кто видел войну своими глазами, и теми, кто едва слышал о ней.

Из жизни ушло поколение

...война противоестественна для человека, разрушительна для его души. В этом нет никакой романтики. Именно поэтому вспоминать о войне тому, кто прошёл через её мёртвый огонь, невыносимо тяжело...

Попробуйте поставить простой эксперимент — попросите старшеклассников назвать хотя бы по три имени полководцев Великой Отечественной войны, героев Советского Союза, перечислить значимые сражения

...мы, внуки, совершенно точно знали: наши деды — герои. Мы гордились ими по-настоящему...

фронтовиков. Те немногие глубокие старики, которых ещё приводят на парады, уже не могут рассказать о войне просто в силу немощи. Их пиджаки тяжелеют, большей частью, юбилейными, а не фронтовыми наградами. Это не укор, просто факт — эти ветераны застали последние месяцы войны. Время неумолимо. Среди ныне живущих практически не осталось тех, кто оборонял Киев и защищал Севастополь, сражался под Сталинградом и на Кавказе. Это было поколение наших дедов. Мы росли под их ласковым приглядом, видели их боевые награды. Нечасто, обычно только на 9 мая... Тогда,

после обязательного парада и митинга, они собирались в парках, во дворах. Разговаривали, пели, иногда доставали фотографии. Иногда что-то вспоминали. Немного, отрывочно, без хвастовства. Чаще всего вспоминали окопы, холод и голод, радость, что привезли табак или мыло. Поминали погибших, молча глотая фронтовые сто грамм. Почти никогда не говорили о боях и подвигах. Только, если какой-нибудь очень настырный корреспондент уговорит рассказать о боевом пути или об участии в важнейшем сражении. Но мы, внуки, совершенно точно знали: наши деды — герои. Мы гордились ими по-настоящему.

Помню орден Красной Звезды, тяжёлый, дед привинчивал его к лацкану пиджака. Я забиралась к нему на колени и гладила холодную тёмно-красную эмаль. «За что орден, деда, такой красивый», — спрашивала я. «За Днепр», — коротко отвечал он. «Деда, что ж ты про войну не рассказываешь никогда?» «А чего там хорошего было, внученька, не хочу вспоминать про неё. Лишь бы вам такое не довелось испытать».

И фильмы про войну дед никогда не смотрел. Если кто-то из нас спрашивал, всё ли было так, как показывают в кино, он махал рукой — там и десятой части не покажут. Слишком много крови, грязи, боли было на настоящей войне. Лет в шестнадцать я прочла довольно подробное и честное описание днепровской переправы. Поразило невероятное количество потерь в этой военной операции. При встрече спросила у деда — как же он смог выжить там. Он скупно ответил: «Днепр перешли по трупам наших солдат». Как выжил? Удача и смекалка. Не только сам остался жив, десяток солдат, которыми он командовал, уцелели. «Почему?» — не отставала любопытная внучка. «Потому, что если с умом подойти и людей побережешь, то мож-

г. Вена
 Конокот
 Душки
 Врангелю
 Бранков.
 г. Бранков
 1/2 1944

но было многих потерь избежать». Эта мысль есть во многих честных книгах о войне, очень рекомендую Астафьева «Прокляты и убиты».

Часто можно услышать — война стала важнейшим событием в жизни нашей страны в XX столетии. Победа СССР определила жизнь Европы на десятилетия, доказала мощь советской системы и выявила силу духа советского солдата. Давайте разберёмся с этими утверждениями. Действительно, по окончании Второй мировой войны в Европе образовалась невиданная доселе форма государственного строя. Кроме СССР, появился целый так называемый «социалистический лагерь», в странах, освобождённых советской армией. Жизнь там строилась по советскому образцу и во многом на советские же деньги, которые отрывались от разоренной войной страны. Но мы стали свидетелями бесславно-го окончания этого эксперимента. Социализм в Румынии и Болгарии, Польше и Югославии и других странах не продержался и сорока лет. Для жизни государства с древней историей — срок ничтожно малый. Но множество социальных, политических и, в первую очередь,

Живые люди, это они победили в нечеловеческой войне. Трудно описать страдания и лишения тех, кто воевал, кто работал для победы в тылу, напрягая последние силы, погибая в бою или у станка.

...не за Сталина шли умирать люди, не за советскую власть, которая к тому времени существовала всего 24 года. Сработал многовековой механизм, в крови живущая потребность защищать родную землю...

...в сорок первом солдаты шли на защиту родной земли так же, как и сотни лет назад их предки. За дом, за детей, за стариков родителей, за всё то, близкое и понятное любому человеку, что и есть Родина.

нравственных проблем, которые этот опыт породил, будут отзываться реальной болью живых людей еще долго. А если ещё вспомнить разделение Германии на два враждующих государства... Едва ли это можно отнести к положительным итогам войны. Мощь советской системы в целом? Тоже очень спорное утверждение. Страх и растерянность первых месяцев войны, невероятные человеческие жертвы, ненужное администрирование, постоянное занижение реальных жертв и смягчение истинного положения дел на фронте, чтобы не раздражать божество Верховного главнокомандующего — это реальные факты. Да, СССР сумел за достаточно короткий срок перестроить производство полностью на военные рельсы, эвакуировать огромные заводы за Урал, переоснастить армию. Но какой ценой? Невероятное ухудшение жизни миллионов людей, проще говоря, голод, отсутствие самых необходимых вещей. Это считалось нормальным. Жизнь конкретного человека не принималась в расчёт.

Что же в остатке? Живые люди, это они победили в нечеловеческой войне. Трудно описать страдания и лишения тех, кто воевал, кто работал для победы в тылу, напрягая последние силы, погибая в бою или у станка. Солдаты совершали чудеса героизма и самопожертвования. Нам невозможно до конца понять, как это — бросить свою единственную жизнь на пулемётный дзот, чтобы всего на полминуты прекратился вражеский огонь, и спасти десяток других жизней. Как можно гореть в самолёте и, сквозь невыносимую боль, продолжать бой, выбирать цель и обрушить своё горящее тело на врага. Вот

только советский строй тут не причём. Не за Сталина шли умирать люди, не за советскую власть, которая к тому времени существовала всего 24 года. Сработал многовековой механизм, в крови живущая потребность защищать родную землю. Надо помнить, что за свою более чем тысячелетнюю историю Россия много воевала. Не раз нашей стране угрожала смертельная опасность. И в сорок первом солдаты шли на защиту родной земли так же, как и сотни лет назад их предки. За дом, за детей, за стариков родителей, за всё то, близкое и понятное любому человеку, что и есть Родина. Жизнь этих трудников войны стоила очень мало.

Но в войне потери неизбежны? Конечно. Приведу один любопытный факт времён Первой мировой войны. Император Николай II наградил орденом святого Георгия кавалерийского офицера, будущего генерала П.Н. Врангеля за успешную лобовую атаку в конном строю на немецкую артиллерийскую батарею. В своей резолюции на приказе о награждении Государь написал, что надеется, что впредь таких героических поступков ротмистр Врангель совершать не будет, потому что во время этой атаки у него значительная часть эскадрона погибла. Но это было в другое время и при другом социальном устройстве. И велась та война за пределами России. Подвиг на войне очень часто — плод тщеславия полководца или тактический просчет военачальника. Случалось, что страх перед начальством оказывался сильнее, чем перед врагом. И самой отвратительной трусостью была не боязнь смерти, а боязнь доложить правду о сложившейся ситуации на позиции: за такой трусостью на войне всегда стоят чьи-то жизни. Яркий пример — трагическая оборона Пятигорска. Эта часть

Великой Отечественной до сих пор не получила широкой известности. Немецкой танковой армии противостояли курсанты Полтавского военного тракторного училища, фактически брошенные командованием. С одной винтовкой на двоих, почти без гранат. При этом через два дня после падения города наше радио ещё передавало на всю страну ободряющую ложь о том, что в Пятигорске идут ожесточённые бои и что войска генерала Тимофеева (о курсантах училища ни слова) уничтожили 5 танков, 50 автомашин и более ста гитлеровцев. Сведения эти были безбожно завышены. Точное число погибших курсантов неизвестно до сих пор. Это не из интернета, это тоже воспоминания моего деда. Он выжил там, но о предательстве тех, кто должен был вести их в бой, помнил всю жизнь.

Существует ещё одно утверждение: война, как экстремальная ситуация, выявляла в людях самые лучшие качества. Так пишут школьники в сочинениях. Безусловно, разные люди в условиях войны, как и в условиях мирного времени, ведут себя по-разному. Но война часто пробуждает в людях худшие чувства, а не благородство и самопожертвование. В войне сталкиваются два абсолютно несовместимых состояния — инстинкт самосохранения, присущий всему живому, и необходимость пожертвовать жизнью, преодолевая ежеминутно страх. Война — это непрерывное убийство, гнев, ярость, злоба. Человек живёт в этих грехах, он совершенствует умение убивать, ежеминутно ожидая, что и его жизнь прервётся. Война противоестественна для человека, разрушительна для его души. В этом нет никакой романтики. Именно поэтому вспоминать о войне тому, кто прошёл через её мёртвый огонь, невыносимо тяжело. Вот как вспоминает рукопашный бой бывшая санинструктор О.Я. Омельченко: *«Это ужас... Это не для человека... Бьют, колют штыком в живот, в глаз, душат за горло друга друга. Вой стоит, крик, стон... Для войны это и то страшно, это самое страшное. Я это все пережила, все знаю. Тяжело воевать и летчикам, и танкистам,*

и артиллеристам, — всем тяжело, но пехоту ни с чем нельзя сравнить». В бою выбора не было: либо ты успеешь убить первым, либо убьют тебя.

Подвиг наших фронтовиков не закончился с победой. Он продолжался многие годы после войны. Им никто не предлагал психотерапевтов и отдых в комфортных условиях, страна лежала в руинах, требовалось вновь и вновь напрягать все силы. Трудиться, растить детей, очищая свои души от чёрной копоти войны, им пришлось самим. У каждого из них была своя война, каждый по-своему старался её забыть. Они были разными по возрасту, воспитанию, жизненным ценностям. Но именно война, как общая беда, сблизила разных людей, породила особое братство перед лицом общего врага. Без такого духовного единения победа была бы невозможна. Это получилось не по приказу, не от мудрого руководства, а часто вопреки ему, это шло от сердца, от памяти предков. И для режима, основанного на подавлении и страхе, это было неприемлемо. Помнят ли нынешние восхвалители военного гения Сталина, что уже в 1947 году 9 мая не был выходным праздничным днём? «Говорят, что победителей не критикуют и не судят. Это мнение ошибочно. Победителей можно и самое главное нужно критиковать и судить. Делать это нужно в первую очередь для того, чтобы раскритикованные победители вели себя скромнее и не зазнавались». Эта фраза была произнесена Сталиным на собрании избирателей Сталинского округа города Москвы 9 февраля 1946 года. Да, скромнее надо было быть тем, кто не помня себя, защитил страну. Только в 1965 году день Победы вновь стал праздничным выходным днём.

Простите нас, наши деды. Мы не сумели сохранить память о вас так, чтобы наши дети не считали вас неким абстрактным мифом, общим символом чего-то далёкого, исторического. Но можно попробовать исправить эту вопиющую несправедливость. Начать надо с малого — поговорить с молоды-

Будённый 1944 г.
к - А. С. Седров

...именно война, как общая беда, сблизила разных людей, породила особое братство перед лицом общего врага. Без такого духовного единения победа была бы невозможна. Это получилось не по приказу, не от мудрого руководства, а часто вопреки ему, это шло от сердца, от памяти предков.

ми людьми о войне. Без пафоса, просто, о тех, кто изображён на старых фотографиях. О дедушке, о бабушке, которых мы ещё хорошо помним. О том, что было самым главным для них. Прежде, чем вручить чаду фото для шествия «Бессмертного полка», рассказать, где и как воевал тот, чей портрет он понесёт. Нельзя день Победы, день памяти, превращать в шоу. Этим мы предаём память погибших воинов. Нельзя бездумно цеплять Георгиевские ленты на рюкзаки и коляски. Это — знак воинской доблести, а не праздничное украшение. Нельзя разрисовывать машины, выпущенные, кстати, в Германии и Японии, непристойными картинками с надписью «Можем повторить». Наши солдаты гибли за то, чтобы повторения не случилось. В памяти народа должна остаться не война, а люди, которые победили. От нас зависит, какой будет эта память.

Елена Чернакова

«Верный в малом и во многом верен»

(Лк. 16:10).

Верность лежит в основании всей нашей жизни. Через таинственную книгу Апокалипсиса Господь обращается к каждому христианину с призывом: «Будь верен до смерти, и дам тебе венец жизни» (*Откр. 2:10*). В Евангелии же Христос указывает путь к такой верности: «Верный в малом и во многом верен, а неверный в малом неверен и во многом» (*Лк. 16:10*).

Вера и верность... Думаю, каждый отметит связь между этими словами — корень у них один. Верность — сущность Бога. Бог постоянен, неизменен. Он хочет для нас только блага. Он никогда не солжет нам, не бросит. И эта вера порождает доверие и любовь к Нему.

Как правило, говоря о верности, мы подразумеваем верность Богу, верность в браке и верность Родине. Причём верность религиозная является как бы связующим звеном между двумя другими, потому что верность Родине чаще всего имеет религиозное измерение. Это любовь к священной истории своей страны и готовность за неё умереть. Семья — это Божественное установление. «Богу было угодно, чтобы институт семьи был связан с Его пришествием

в мир. Через Боговоплощение семья не просто освящается — ей придается Божественный статус», — это слова Патриарха Кирилла. Поэтому, если мы храним семью, мы храним и веру Господу. В отличие от Бога понятия семья и Родина не идеальны. Мы не можем быть абсолютно уверены, что наши близкие нас никогда не обманут, не причинят боль, не бросят в беде. С одной поправкой — если они не верны Богу.

Так что получается, что в центре понятия верности расположены Бог и человек в своём взаимном отношении друг к другу. Затем, вблизи этого центра находятся верность супружеская и верность гражданская. Далее идут верность сказанному слову, взятым обязательствам и прочие виды верности, плавно перетекающие в то, что мы называем честностью, надёжностью, порядочностью.

Взращивание в себе верности начинается с малого — умения держать слово, верности своим принципам, своим убеждениям. Даже привычные опоздания — это уже неверность своему слову. Если ты сказал «я сделаю», значит, нужно сделать. Если ты сказал «приду в восемь», приходи без пяти восемь, но никак не в полдевятого. Верность, как выносливость, воспитывается, тренируется. Говорят, купеческое слово ценилось больше любых гербовых бумаг с печатями.

Еще пример частой неверности слову — ложь. Кстати, с вранья,

...Господь попускает человеку жизненные испытания, порой и страдания, для того, чтобы он мог проявить свою верность в малом, и тем приобрести навык верности, и быть верным во многом...

как правило, и начинаются все измены. Супруг начинает что-то утаивать, и это постепенно переходит в измену.

Верность стоит на вершине Божьих ценностей. Именно на верности строится семья, дружба, любые взаимоотношения. Там, где есть верность, возможна любовь, но там, где измены, непостоянство и предательство, не может быть и любви. Нет верности — нет любви, нет семьи, нет дружбы, нет успеха в делах.

Для многих поколений русских людей понятия Родины, семьи, верности в супружеской жизни были священными. Сейчас же законодателем всего становится не чувство долга или ответственности, а интересы бизнеса. Ныне почти все измеряется выгодой, а такие священные понятия, как верность, преданность, достоинство, совесть, любовь, становятся архаизмами или искажаются до неузнаваемости.

Супружеская неверность сейчас некоторыми преподносится как преимущество, как соответствие времени, как сильная сторона. Молодые (да и не очень) люди относятся к интимным отношениям, как

Взращивание в себе верности начинается с малого — умения держать слово, верности своим принципам, своим убеждениям...

...Верность, как выносливость, воспитывается, тренируется...

к еде, к удовольствию: чем больше, тем лучше. Живем один раз, бери от жизни всё, и не надо нам про вашу верность и целомудрие, это ханжество, современной и шире надо смотреть на эти вопросы!

Но на самом деле все как раз наоборот. Это в верности — сила. Изменить легко. Для этого сила не нужна. Так делает большинство, почти все идут путем наименьшего сопротивления и в итоге приходят к опустошению и тоске. Успех мужчины — не много женщин, но одна. То же и для женщин.

И волнует-то сейчас людей больше не тема любви к Родине или к Богу. Больше всего для современного человека вопросы верности семейной, супружеской. Вера в Бога считается делом весьма отвлеченным, глубоко личным. Тема Родины размывается с каждым годом. Космополитизм, который не допускает никакой особенной любви к своему отечеству, чрезвычайно вреден и разрушителен, под предлогом всеобщего человеколюбия он поселяет в людях одно равнодушие, холодность и бесчувственность к ближним, «человеку мира» сейчас все равно где жить, лишь бы было тепло и сытно. Остаётся семья, остаются сложности взаимоотношений. Это ещё печёт. Но без верности Богу верность в личных отношениях — это всего лишь мечта или редкое исключение.

Верность семейная является прямым подобием верности Богу. Апостол Павел уподобляет глубину отношений супругов отношениям Христа и Церкви. Апостол повелевает мужчине любить жену, как Христос возлюбил Церковь. Мера этой любви нам хорошо известна из Евангелия — это готовность в любой момент отдать жизнь за свою семью.

Ну, а на войне верность — самое ценное качество. Недаром про человека верно говорят — с ним можно идти в разведку. Солдаты Великой Отечественной войны сполна доказали меру своей верности Родине.

созданием событий «объективной» истории отрицаются или очерняются подвиги героев, ставших символами Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. — Зои Космодемьянской, Николая Гастелло, Александра Матросова, 28 панфиловцев. Плохо, когда в обществе настолько ослабевает интерес к прошлому, что никто уже и не хочет защищать память своих предков, противодействовать нападкам на них, когда люди просто не понимают, о чем вообще спор, кто эти исторические имена. Отрицание или оценка через 75 лет необходимости тех подвигов нами, сытыми и не познавшими ужасов войны, — абсолютная неблагодарность и оскорбление светлой памяти всех павших и живущих ныне защитников Отечества.

Вспоминая Великую Отечественную войну и подвиги солдат, офицеров, генералов, нельзя не вспомнить их матерей, отдавших Родине самое дорогое, что у них было — своих сыновей.

Судьба женщины-матери в Великой Отечественной войне — самая сложная и трагичная. Они много работали, заменили собой ушедших на фронт мужей, заботились о детях, порой отдавая им последний кусок хлеба. Но самое трудное для них было ждать письма, ждать и бояться получить «похоронку»... и продолжать верить. А ведь были матери, которые потеряли на той войне всех своих детей.

Да, может быть для многих женщин, переживших ту страшную войну, верность была «повседневной», не освященной верой в Бога. Хотя мы знаем множество свидетельств, когда женщины буквально вымаливали своих мужей и детей, и они возвращались с фронта домой. Но верность не может быть временной, случайной, частичной, показной. Она свойственна цельным натурам. Господь попускает человеку жизненные испытания, порой и страдания, для того, чтобы он мог проявить свою верность в малом, и тем приобрести навык верности, и быть верным во многом.

В настоящее время уже не осталось матерей, не дождавшихся с войны своих сыновей, да и вдов, ждавших с фронта мужей, уже практически нет. Остались дети войны... И вот пока они живы, у нас есть чему у них поучиться, хотя бы верности в малом.

Отрицание или оценка через 75 лет необходимости тех подвигов нами, сытыми и не познавшими ужасов войны, — абсолютная неблагодарность и оскорбление светлой памяти всех павших и живущих ныне защитников Отечества...

Эта верность выражается в простых повседневных делах: в знании своей веры, в исполнении заповедей Христовых, в добром отношении к ближним, в посещении храма, в исповеди и Причастии, в молитве, в соблюдении постов... Их видно, верных... Когда я весной, в распутицу, прихожу на вечернюю службу, я вижу наших бабушек в белых платочках, не побоявшихся по лужам и льду, несмотря на недуги и непогоду, прийти в храм. А ведь после службы по темноте по тем же скользким лужам, холодному ветру им придется еще возвращаться домой. И я всегда думаю: а сможем ли мы потом так? Будет ли в нас так крепка вера, которая не даст провести вечер дома за чашкой чая, а потянет в храм на службу? Вот что многие из нас почти утратили и чему нам стоит поучиться у тех, кто еще имеет ясное представление о верности.

Верный — значит послушный и честный человек. Верный «пускает корни», чем бы он не занимался. Он укореняется в своей деятельности, и поэтому вырастает и приносит плоды. Поэтому только верные люди и успешны по-настоящему.

И последнее, что хочется сказать: верность всегда вознаграждается: «Верный человек богат благословениями, а кто спешит разбогатеть, тот не останется ненаказанным». *Притчи 28:20*

Каждому в жизни дается возможность проявить верность. Сохраняя верность в малых делах, в испытаниях, которые ждут нас на жизненном пути, мы приближаемся к Богу.

И пусть в человеке нет никаких выдающихся талантов. На свете есть много красноречивых, одаренных людей, но не так много верных. Однако если есть верность... Верность ценится гораздо больше других талантов. Если на вас можно положиться, вам можно доверять, за этим стоит Сам Господь!

Юлия Лютина

Ну, а на войне верность — самое ценное качество. Недаром про человека верно говорят — с ним можно идти в разведку. Солдаты Великой Отечественной войны сполна доказали меру своей верности Родине.

Наследники Победы...

Продолжение. Начало на стр. 2.

Исход из Египта

Исход из Египта — это не просто одно из событий библейской истории, это точка её отсчёта, это событие, которое стало рождением народа Божьего, народа, который был призван в ветхозаветную эпоху хранить веру в единого Бога. Недаром когда произошло Воскресение Христово, оно тоже стало осознаваться как Пасха, как обновление союза людей с Богом — рождение нового народа Божьего — Церкви Христовой среди всех народов мира.

Древний Израиль до исхода из Египта не был самостоятельным народом, был просто одним из племён в египетском рабстве на строительстве городов и пирамид, не имевшим национального самосознания. Господь Бог своей силой выводит людей из рабства, дарует им самостоятельность и свободу. Память об этом событии — о том, что с невероятной помощью Господа народ ушёл из рабства в Египте в землю обетованную — эта память стала объединяющим началом древнего Израиля, его, можно сказать, национальной идеей на долгие века. Знаменитые 10 заповедей, дарованные тогда, начинаются именно с утверждения памяти об Исходе: *«Я Господь, Бог твой, который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства; да не будет у тебя других богов помимо Меня»* (Исх. 20:2-3). Это, можно сказать, символ веры древнего Израиля».

Но Исход — избавление не только от рабства как тяжёлого труда, это и избавление от смерти. История Исхода содержит два ярких образных рассказа о спасении от неминуемой смерти: первый — это десятая, последняя из казней египетских, когда Ангел смерти умертвил всех египетских первенцев, а еврейских миновал; второй рассказ — это когда израильтяне спаслись от египетской погони, пройдя по дну расступившегося Красного моря, а египтяне, гнавшиеся за ними, в сомкнувшемся море потонули. Оба этих повест-

ования концентрированно передают идею спасения от смерти и перехода к новой жизни. Ведь символически рабство — это смерть, свобода — это жизнь. Само слово «Пасха» значит «переход» или «прохождение». И эта память об избавлении от смерти, прохождении смерти мимо и переходе к новой свободной жизни впоследствии явилась основой, прообразом, прототипом для осмысления уже христианского, новозаветного праздника Пасхи: Воскресение Христово стало предвестием будущего всеобщего воскресения, подлинной победой над смертью и путём к вечной жизни.

События Великой Отечественной войны в сопоставлении

Нетрудно заметить, что ветхозаветные пасхальные события и память о них в древнем Израиле в немалой степени соотносятся по важности с Великой Победой и памятью о ней для народа России сегодня. Успех гитлеровских захватчиков грозил нам потерей самостоятельности и национально-культурной идентичности, так что Победа в Великой Отечественной войне стала как бы вторым рождением народа, который и стал осознавать себя как единый сплочённый многонациональный советский (а теперь российский) народ. В 1944 году появился новый гимн, где больше не было призыва к разрушению прежнего мира, а вместо этого воспевалась «великая Русь», сплотившая «союз нерушимых республик свободных». Советское государство стало возвращаться к российским истокам, перестало тотально отвергать историческое наследие, перестало отвергать веру и Церковь. Время перед Великой Отечественной войной — 1930-е гг. — ещё сопровождалось колоссальными репрессиями, в том числе гонениями на Церковь, преследованиями и казнями священнослужителей и простых верующих людей; к концу же войны стали вновь открываться многие храмы, советское государство стало даже искать пути сотрудничества с прежде гонимой

Церковью на почве общего патристического подъёма, (так что в январе 1945 года в Советском Союзе даже было проведено колоссальное, масштабное церковное мероприятие — Поместный собор, где был избран новый Патриарх Алексий I).

От идей классовой борьбы, мировой революции и разрушения старых устоев советское государство вернулось к единению и историческому русскому наследию.

Именно в становлении народного самосознания видится значительное сходство между событиями Исхода древнего Израиля из Египта, с одной стороны, и Великой Отечественной войны русского и советского народа, с другой. Но есть и важное отличие этих событий. Великая Отечественная война имеет новое измерение, которое восходит не к ветхозаветной Пасхе, а только уже к Пасхе новозаветной: это жертвенность. В древнем Израиле народ, как повествует Библия, часто противился Богу и Моисею, всё время странствия тоскуя по мясу в египетских котлах рабства, так что Господу Богу приходилось часто действовать Самому и наперекор, буквально вытаскивать людей из привычного им прежде рабского состояния. Здесь же, в Великой Отечественной, Победа явилась не просто делом рук Божиих, но прежде всего плодом колоссальных усилий множества людей, выразивших готовность пожертвовать собой, последовавших призыву Христа, Который сказал своим ученикам перед страданиями: *«Не бывает любви большей, чем та, когда человек полагает свою жизнь за друзей своих»*, за ближних своих. Подвиг наших дедов и прадедов, жертвовавших собой и на фронте, и на обеспечении фронта в тылу, тоже является частью духовного возрождения народа, и он соотносится уже не с ветхозаветной Пасхой, а с новозаветной Пасхой Христовой.

Тем не менее, не будем забывать, что ветхозаветная история — это необходимая ступень, чтобы прийти к новозаветному сознанию: жертвенность — это вершина пути, а сначала были 10 заповедей.

Память об Исходе и о дне Победы: ритуальный аспект

Теперь, рассмотрев характер событий древнего Исхода и великой Победы, отметив сходства и отличия в их значении, рассмотрим, как сохранялась память об Исходе и о важных смыслах, связанных с этим событием, и сопоставим с нашим временем.

Есть два взаимосвязанных аспекта исторической памяти: память в ритуалах, обрядах, то есть особых действиях, напоминающих о том времени, и память в идеях и смыслах, помогающих и руководящих уже в настоящем, здесь и сейчас.

Сначала об обрядовой стороне, о традициях древнего ветхозаветного Израиля, описанных в библейских книгах. Итак, праздник, посвящённый воспоминанию Исхода, назывался Пасха, и обряды праздника были посвящены воспоминанию тех тяжёлых дней, сопереживанию участникам Исхода хоть в некоторой степени. Один из ярких моментов истории Исхода — его поспешность: как отмечается в книге Исход, народ *«понёс тесто своё, прежде нежели оно вскисло»* (Исх. 12:34). В память об этом предписывалось ежегодно ко дню Пасхи уничтожать весь хлеб на закваске и питаться только пресным хлебом. Кроме этого, главным блюдом праздника должен был быть пасхальный ягнёнок, которого нужно было запечь на огне и съесть с пресным хлебом и горькими травами, а оставшееся от него немедленно сжечь на огне; для ещё большего впечатления предписывалось есть его в походной одежде и обуви, словно с готовностью в любой момент отправиться в путь. Этот необычный ужин предписывалось совершать в каждой семье, чтобы даже маленькие дети, находясь дома, через эти образы трудной жизни сразу усваивали впечатление о том, что пришлось пережить народу в те годы.

Суть ритуалов и обычаев ветхозаветной Пасхи в том, чтобы вспомнить и хоть немного пережить то, что переживали люди в те далёкие памятные дни. Рассмотрим с этой точки зрения обычаи и традиции Дня Победы в современ-

ной России. Как донести до детей, до следующих поколений то, что чувствовали их прадедушки и прабабушки? Ведь именно в этом цель всех таких обычаев и традиций. Тот, кто сам прочувствовал горечь войны, будет стараться не допускать её повторения в будущем.

Прежде всего, в наше время уже есть кинематограф: ничто так не расскажет о годах войны, как хорошая экранизация. Но, с другой стороны, просмотр кино оставляет человека зрителем событий, а не соучастником. Ещё у нас бывают военные парады, но в них участвуют лишь военнослужащие. Не так давно появилась, но была с радостью воспринята многими акция «Бессмертный полк», потому что она дала возможность самому широкому кругу людей почувствовать и свою причастность к великому событию, ощутить, что каждая семья — это часть народа, сплотившегося ради Победы. Организация на праздник полевых солдатских кухонь для всех желающих — это, конечно, не столь впечатляюще, как пасхальный ягнёнок, но несёт такую же функцию: дать попробовать ту жизнь на вкус. Большее погружение в ту эпоху предлагают клубы исторической реконструкции: именно в реконструкторских мероприятиях и взрослые, и дети могут почувствовать себя полноценными участниками событий. В этом ряду можно также упомянуть организацию с подростками небольших походов по памятным местам боёв Великой Отечественной. Однако, занимаясь проведением таких мероприятий, важно помнить, что их суть — не милитаризация сознания, а как раз наоборот, прививка от милитаристского мышления.

Память в аспекте идеи

Обратим внимание на другой аспект исторической памяти об Исходе: на то, какое влияние идея Исхода оказывала на сознание древнего ветхозаветного человека.

Исход — это не только яркие образы, это одно из ключевых понятий библейской веры. Во-первых, исход — это движение из одного места или состояния в качественно другое, от рабства к свободе. Во-вторых, это движение по прямой,

а не по замкнутому кругу. В-третьих, это движение, направляемое всемогущим Богом. Вера в Бога — это движение за Ним, это участие в Исходе, это предотвращение застоя и топтания на месте.

Понятие об Исходе определяет библейское понимание истории в отличие от языческого: в языческом мире история понималась как циклический процесс, где всё возвращается на круги своя, а боги — лишь орудия рока; библейское же понимание истории — невозвратное и целенаправленное движение к определённом Богом замыслу. Память о прошлом не означает возвращения к нему, а напротив, становится знаменем дороги в будущее.

Исход является символом внутренней динамики, духовного роста человека, его движения к Царству Божию. Такое понимание отражено, в частности, во многих псалмах, например, в псалме 142 из Шестопсалмия: *«Вспоминаю дни древние, размышляю о всех делах Твоих... Укажи мне, Господи, путь, по которому мне идти»* (ст. 5, 8).

Память о Великой Победе может иметь определяющее значение как для осмысления исторического процесса в целом, так и для собственной жизни человека. Память о Победе должна помогать нам никогда не допускать той ненависти и разобщённости, которая приводит к войнам, но в то же время память о духовном подъёме страны, о подвигах предков и об их жертвенности призвана помогать нам самим быть готовыми жертвовать собой ради друга. И ещё более важным становится образное значение Победы для личной духовной жизни человека: каждый из нас на своём месте призван одерживать постоянные маленькие победы в борьбе с жизненными трудностями, большими и малыми, учиться одерживать победы над собой, преодолевать себя. Только тогда мы будем подлинными наследниками Великой Победы.

Иерей Иоанн Реморов

Пустите детей и не препятствуйте им приходить ко Мне, ибо таковых есть Царство Небесное (Мф. 19. 14).

Не мешайте детям приходить ко Мне

РАСКАЗЫ СТАРОГО КОЛОКОЛА

Пасхальные дни – самые радостные в году. Служба в храме идёт весело, даже всегда строгий настоятель улыбается. Наши звонкие колокольчики старательно выводят тропарь: «Христос воскрес из мертвых».

– Я громче всех пел, – восклицает Дон, вбегая к дедушке старому колоколу.

– Главное не громче, а правильно, – смеётся Динь.

– Главное, что у вас радость настоящая, пасхальная, – говорит дедушка, – выше и лучше её ничего нет. Христос каждого ждёт к себе, каждому рад, как самому близкому другу. Но более всех он радуется, когда дети приходят к нему. Вот послушайте...

Маленький Осия играл во дворе. Он увлечённо расставлял рядами длинные палочки и говорил:

– Вы храбрые воины царя Саула. На вас идёт бесчисленное войско филистимлян. Будет жестокая битва. Но вы победите, потому что с нами Бог.

Осия часто играл один. Другие мальчишки обидно смеялись над ним. Всё дело в том, что он очень мал ростом, намного ниже своих ровесников. Поэтому он сторонится шумных игр, хотя ему так хочется побегать со всеми. Вот бы вырасти большим! Он сможет стать храбрым воином или бога-

тым купцом, который плавает в дальние страны на большом корабле. Осия любит мечтать. Сегодня он – полководец.

Над глиняным забором показалась голова долговязого Авида. Он наблюдал, как Осия ведёт в бой своё деревянное войско, как падают храбрые воины и тут же на их место встают другие. Царь Саул возвышался над солдатами, и смело вёл их в бой. Повержены филистимляне, бежит аммонитское войско. Вот Саул собирает дань, ему приводят овец и волов.

– Откуда ты всё это знаешь, Осия? – громко спрашивает Авид.

Мальчик вздрогнул, деревянные солдаты выпали из рук и рассыпались по пыльной сухой земле. Он торопливо собрал палочки и хотел уже убежать в дом.

– Осия! Расскажи нам про Саула, – просит Авид.

– А вы не будете надо мной смеяться и прогонять?

– Нет, обещаю. Пойдём на улицу.

Осия выходит за ограду дома. Оказывается, возле забора целая ватага мальчишек. Осия с опаской поглядывает на главного задиру Самуэля, но он не насмехается над ним, как обычно, а отступает на шаг в сторону и даёт мальчику пройти. Неслыханное дело! Осия привык терпеть насмешки и тычки.

– Пошли, – командует Авид, и босоногая ватага бежит вниз по улице, к прохладному роднику под холмом.

Осия садится в центре на большой серый камень и начинает рассказывать. Сначала несмело, но потом всё более увлекаясь, он пересказывает то, что часто слышит от отца. Про Саула и Давида, про храбрых Маккавеев и строительство храма. Мальчишки забыли про шумные игры, про планы совершить набег на соседнюю улицу.

–Ещё, расскажи ещё, – просят они.

Осия готов продолжать, он хочет рассказать своё любимое, про пророчества. Сначала про пророчество Моисеево, потом – царя Давида. Потом самое любимое – пророчество Исаии. *«Народ, ходящий во тьме, увидит свет великий, на живущих в стране тени смертной воссияет свет»*. Уже яркое южное солнце перевалило за полдень, а рассказу не было конца.

– Да, – вздохнул Авид, – счастливы те, кто увидит Мессию. Тогда вся жизнь изменится.

– Конечно, – подхватил Самуэль, – он первым делом прогонит злых римлян. Отец отдаёт им немалый налог, чтобы беспрепятственно торговать в окрестных селениях. И вообще, они ходят по нашей земле, как хозяева. Мессия покажет им, кто тут главный.

Мальчишки заговорили о том, как храбро они будут воевать против чужих солдат и обязательно победят. Мессия станет новым великим Царём. И начнётся совсем другая, счастливая и радостная жизнь. Осии казалось, что пророчества говорят о другом, но он промолчал. Сегодня мальчишки слушали его рассказы, но уже завтра они могут вновь прогнать его или обидно посмеяться. Плохо быть маленьким. Он тихонько встал и отошёл от шумной компании. Никто даже не оглянулся. Осия медленно побрёл к дороге, что вела вниз, в долину. До захода солнца ещё далеко. Можно дойти до масличной рощи. Там густая шёлковая трава приятно щекочет босые ноги. Тихо, только деревья перешептываются, шелестят листьями. Никто не мешает ему думать и мечтать.

Но сегодня в роще слышались голоса. Осия уже хотел повернуть назад, но вдруг остановился и прислушался. Голос звучал необычно: мягко и в то же время уверенно. Так мог говорить тот, кто уверен в своей безграничной власти и такой же безграничной любви.

– Вот, Отрок Мой, Которого Я держу за руку, Избранный Мой, к Которому благоволил душа Моя. Положу Дух Мой на Него, и возвестит народам суд. Не возопит и не возвысит голоса Своего... Трости надломленной не переломит, и льна курящегося не угасит.

Осия поспешил на голос. Внезапно деревья расступились, открылась небольшая полянка. На траве сидели и лежали люди, а в центре на камне сидел человек. Осия не видел его лица, только слышал мягкий негромкий голос.

– Учитель, скажи, сколько нам терпеть ненавистных римлян? – хрипло выкрикнул один из слушателей, — мы живём в настоящем рабстве!

Тот, кого назвали Учителем, повернул голову. Осия увидел спокойное лицо с тонкими чертами. Человек был обычным, и в то же время разительно отличался от всех, кого мальчику доводилось видеть раньше.

– Вот, раб Мой будет благоуспешен, возвысится и вознесется, и возвеличится.

– Мы не понимаем тебя! Что это значит?

– Всякий, делающий грех, есть раб греха... итак, если Сын освободит вас, то истинно свободны будете, – прозвучало в ответ.

Осия подошёл поближе, теперь он хорошо слышал голос, но сам Человек оказался скрыт от него спинами взрослых людей. Он стал осторожно пробираться между сидящими, чтобы вновь увидеть его. Мальчику казалось, что сейчас нет ничего важнее, чем поймать взгляд этого Пророка. Конечно, это пророк, кто же ещё мог так говорить! Два человека рядом с ним рассказывали, как Учитель исцелил нескольких слепых, и человек, хромой от рождения, теперь находится среди них, и ноги его уверенно идут по земле.

– Тогда откроются глаза слепых, и уши глухих отверзнутся. Тогда хромой вскочит, как олень, и язык немого будет петь, – услышал Осия и сильнее подался вперед.

Это было против правил. Маленьким нельзя туда, где взрослые. Маленький человек – это почти не человек, Осия знал это твёрдо. Он должен только слушаться старших, молчать в их присутствии и пореже попадаться на глаза. Сидящие люди сердито говорили:

– Куда лезешь, малыш! Ты что, глупый или глухой?

Высокий человек с чёрной бородой грозно сдвинул брови и погрозил мальчику. Осия упрямо наклонил голову и продолжал пробираться вперёд. И вдруг он услышал:

– Пустите детей и не препятствуйте им приходить ко Мне.

Это было так странно, что взрослые люди тут же расступились. По узкому живому коридору Осия и несколько других мальчиков подошли к пророку. Он жестом указал им место на траве у Своих ног. Осия слушал всё, что говорил Учитель, так называли Его несколько человек, и каждое слово западало в самое сердце. Слова цеплялись мелкими цепкими семенами, росли, заполняли душу целиком. Оказывается, мир устроен вовсе не так, как думают люди. Жизнь на земле – только ворота к вечной жизни. Богатство, власть, которых так желают многие люди – ничто в глазах Божиих. На обиду нельзя отвечать

обидой, на зло – творить ответное зло. Только тот, кто милостив, будет помилован Богом, а в Царствии Небесном последние станут первыми.

Солнце уже спряталось за листья старых маслин, когда Человек поднялся с камня и лёгким шагом направился к дороге, что вела в соседнее селение. Неужели Осия больше никогда не увидит Его! Он нырнул под ноги людей, рискуя упасть на землю. Хорошо большому Авиду, он выше многих взрослых и видит сейчас лицо Учителя. Осия едва не заплакал от отчаянья, но вдруг почувствовал, как его руку нашла крепкая взрослая рука. Он поднял глаза. Учитель держал его за руку. Их глаза встретились на несколько секунд, и этого было довольно. Человек благословил мальчика и пошёл по дороге, окружённый толпой взрослых. Они продолжали сыпать вопросами, Он отвечал им тем же спокойным звучным голосом, как будто не было многочасовой изнурительной беседы.

Осия побрёл домой. Долговязый Авид нагнал его на середине холма.

– Что ты думаешь об этом? – спросил он.

– Думаю, что это Тот, кого мы ждём, – уверенно ответил Осия, – это Мессия. Я хочу пойти за Ним.

– За ним? Да кто тебя пустит! Или ты не знаешь закона? Дети не могут ничего решать сами. Мы должны делать то, что велят нам родители. Не думаю, что твоему отцу понравится, если ты уйдёшь с незнакомцем, даже если это пророк, вместо того, чтобы помогать ему пасти овец.

– Мой отец часто читает Писание по вечерам. Я тихонько сажусь неподалёку, и он никогда не прогоняет меня. Иногда даже объясняет то, что мне непонятно.

– А мой отец говорит, что я мал и глуп, – вздохнул Авид.

– Это ты мал! Да ты уже перерос его, – засмеялся Осия.

– Не в росте же дело... Сегодня только ты решился подойти к Нему, хотя ты куда меньше нас. А мы... и я, и Самуэль, и другие, побоялись.

– Получается, я показал вам дорогу? – удивился Осия, – чудно.

– Чудно, – согласился Авид, – наверное, ты слышал больше, чем мы. Не ушами, уши у всех одинаковые, а душой слышал.

После семейного ужина отец взял с полки длинный свиток, развернул его и стал негромко читать. Мальчик слышал один из псалмов царя Давида:

– И поклонятся Ему все цари, все народы будут служить Ему. Ибо Он избавит нищего, вопиющего и угнетенного, у которого нет помощника.

Осия решился.

– Отец, прости меня!

– Разве ты сделал что-то дурное, что просишь у меня прощения? – удивился отец.

– Нет. Просто сегодня я встретил Мессию. Это правда, – заторопился Осия, увидев, что отец нахмурился, – послушай, я расскажу тебе...

Он рассказал, что в масличной роще был Человек. Его окружало множество народа, а Он учил, как имеющий власть от Бога. Он позвал к себе детей и благословил его, Осию.

– Что же ты хочешь? – спросил отец строго.

На минуту Осии стало страшно, отец не должен спрашивать сына о его желаниях! Но всё же он решился.

– Я не буду великим воином или богатым купцом, не хочу плавать по морям на большом корабле. Я хочу пойти с этим Человеком. С Мессией. Я буду служить Ему, чем могу.

Отец молчал. Осия не решался заговорить вновь.

– Что же. Я тоже слышал сегодня этого Человека. И ещё раньше слышал, когда Он исцелил дочь сотника. Ты – мой единственный сын, моя опора и надежда в старости. Люди осудят меня, если я позволю тебе уйти с чужим человеком. И я боюсь за тебя, малыш. Жизнь странствующего проповедника полна опасностей. Если с тобой случится несчастье, не знаю, как я переживу это.

Никогда отец не говорил ему таких слов! Оказывается, он вовсе не суровый и строгий, а любящий и добрый!

– Но если я не отпущу тебя, то ты лишишься того, что дороже всех земных благ и даже земной любви. Ты лишишься Бога. Сегодня Он призвал тебя. Я не могу отказать Ему, сынок. Я очень тебя люблю и поэтому вручаю тебя Господу. Иди!

– Осия, набери хворосту для костра! И за водой сбегай, тут ручей неподалёку.

– Осия, помоги нам собрать остатки хлеба! Мы уже наполнили четыре корзины!

– Осия, надо забросить сеть, рыба закончилась, скоро придёт Учитель!

День за днем, месяц за месяцем проходили в трудах и заботах. Но это было неважно. Главное, мальчик мог теперь почти каждый вечер садиться неподалёку от Учителя и слушать Его слова, бережно сохраняя их в своём сердце.

Елена Чернакова

ДЕДУШКИН ЧЕРДАК

Продолжение

Лето – пора замечательная. Есть у него только один недостаток: уж очень быстро оно заканчивается. Утром солнце встаёт уже не так охотно, да и вечером темнеет задолго до того, как пора ложиться спать. Этим грустным размышлениям предавался Минька, старательно укладывая вместе с Тихоном-младшим толстые ветки для вечернего костра. Про костёр отец Тихон предложил, в честь их завтрашнего отъезда. За несколько недель мальчишки по-настоящему сдружились. Так бывает, когда встречаются единомышленники. Они многократно пообещали друг другу подробно писать, обменялись электронными адресами, телефонами, пригласили друг друга в группы.

– Вообще-то я соцсети не очень, – говорил Тихон, – много времени отнимают, а мне его и так не хватает.

– Я тоже, – подхватил Минька, – и папа ругается, говорит, это глупо: доказывать неизвестно кому свою правоту или делиться мыслями с пространством.

– Слушай, а давай попробуем настоящие письма писать, – предложил Тихон, когда костёр был уложен.

– Точно, – обрадовался Минька, – хотя бы иногда.

– Вдруг наши внуки когда-нибудь найдут их, так же, как вы нашли письма своего прадеда. Я как будущий археолог очень беспокоюсь, что наше время окажется белым пятном. Потомки решат, что мы были поголовно неграмотными, если от нас одни эсэмэски останутся.

– Верно говорит сын, – басом засмеялся отец Тихон, – бумага, какой бы тонкой она ни была,

почему-то сохраняется столетиями. Это настоящая память.

Дедушка принёс молодую картошку в корзине, Настя кувшин с молоком и чашки. Скатерть расстелили прямо на стриженной траве. Отец Тихон торжественно зажёл костёр. Сухие сучья быстро занялись, пламя взметнулось было вверх, но тут же успокоилось. Костёр горел ровно, время от времени выстреливая искрами.

– Грамотно уложили, – похвалили дед, – видна походная школа.

Все расположились на траве вокруг костра. Несколько минут было тихо, только огонь потрескивал. Даже вечно неугомонный Минька задумчиво смотрел на языки пламени.

– Костёр навевает мысли о вечном и способствует откровенно помыслов, – сказал отец Тихон, подбросив в огонь несколько толстых веток.

– Скоро картошку можно будет запекать, – оживился Минька, всё-таки долгое созерцание было явно не для него.

– Опять ты о еде! – фыркнула Настя, – потерпишь с картошкой, для неё уже угли нужны.

– Не надо спорить, – остановил их дедушка, – давайте неспешно поговорим, расскажем, что важного случилось с нами за это лето.

– У меня появились новые настоящие друзья, – неторопливо сказал Тихон, – я другими глазами увидел историю. А ещё рыбу ловить научился и мёд качать.

– Много чего! Такое лето, что событий на целый год хватит, – подхватил Минька, – нашли картину с прадедом, нашли кучу писем, вещей разных старинных. Друга нашли! Грибов много-много собрали. Про старинный под-

земный ход узнали, про настоящие раскопки.

– Мы не просто нашли письма, – сказала Настя, глядя на огонь, – мы как будто ниточку из прошлого получили, тонкую и крепкую. Мы теперь сами знаем, что наша жизнь – часть большой жизни целого рода. Пройдёт много-много лет, и наша жизнь тоже будет примером для правнуков. Должна быть. К жизни, оказывается, на самом деле надо относиться очень серьёзно.

Минька слегка нахмурился. Выходит, он должен за каждым своим поступком следить, чтобы не чужой, а собственный потомок не подумал, что жил он как-то не очень хорошо. Похоже, родители были правы, когда говорили и про учёбу, и про ответственность. Правда, это не очень интересно... Может, он вообще подвиг совершить способен!

– Отец Тихон, как вы думаете, чтобы подвиг совершить, ну, за веру, например, пострадать или хотя бы на войне, за других, каким надо быть?

– Подвиг? – священник немного подумал, – надо поменьше о себе думать. «Хотя бы на войне», как ты сказал, это очень непросто. Жизнь у каждого одна, отдать её за то, чтобы твои товарищи взяли высоту, нелегко любому. Страшно умирать и грешному, и праведному. Когда говорят, что не страшно, значит, сами не пробовали. Однажды в юности был у меня один случайный разговор. Тоже, кстати, у костра. Пошёл я в поход в горы, любил этот вид туризма. Поход был средней сложности, но требовалась уже специальная подготовка. Компания студенческая, разношерстная, из семинаристов только я. Сидим, раз-

говариваем, картошку тоже печь собираемся. На завтра – самый сложный этап пути, нужно было перебираться через расщелины, потом до вершины, там лагерь разбиваем. Один из нас уже несколько раз по этому маршруту ходил, он весь вечер проверял крепления, верёвки, даже когда у костра сидели, ещё раз всё пересматривал. Был в компании и настоящий альпинист, он посмеивался: куда там восходить, детская прогулка. Наш бывалый ворчит – для кого прогулка, а для нас вполне серьёзная трудность. Альпинист стал вспоминать, как в прошлом году во время восхождения сорвался один его товарищ. Он упал в неглубокую щель, но серьёзно повредился и сам выбраться не мог. Надвигалась метель, оставаться в горах было опасно. Старший группы принял решение связаться по радиации со спасателями, в щель спустили одеяла, еду, а группе было приказано возвращаться на базу. Спасатели обещали сделать всё возможное, но требовалось время, чтобы их дожидаться. К тому же метель могла сильно осложнить ситуацию. Один из группы уходить отказался. Старший кричал, грозил и ругался, но изменить решение оставшегося не смог. Через час началась метель, так что до базы уже добрались с трудом. Никто не спал в эту ночь, наутро, едва снег немного стих, группа пошла туда, где остались люди. Спасатели подоспели почти одновременно с ними. Оба парня были живы. Их отправили в больницу. Через неделю, когда поход завершился, пришла горестная весть: тот, кто остался с пострадавшим, умер от пневмонии. Дурость была оставаться и ненужное геройство, сделал вывод альпинист, но никто не под-

держал его. Своих не бросают, коротко сказал наш старший. И если с тобой что случится – не оставим. Я подумал тогда, если бы никто не остался, не говорил ободряющих слов, не поддерживал – человек бы скорее всего не пережил эту ночь.

Наутро наш переход прошёл без осложнений. Только вот помощь от опытного альпиниста никто принимать не захотел. Через день он присоединился к другой группе и ушёл от нас.

– За други своя, – тихо сказал дед, – это по-настоящему трудно, но по-другому жить нельзя. Я нашёл для вас ещё одно письмо. Давайте почитаем его у костра. Миня, клади картошку, аккумулятор, в самые углы. Настенька, читай.

Настя бережно взяла хрупкий листок и начала читать: «Здравствуй, Тасенька. Прости, что не отвечал так долго. Нам ограничили количество писем до одного в два месяца. Здесь, вдали от обычной жизни, в окружении жесткой охраны, особенно сильно ощущается любое проявление человеческого тепла и участия. Недавно я стал свидетелем невероятной силы духа и любви. Расскажу по порядку. Около трёх месяцев назад в лагерь привезли новую партию заключённых. Люди необычные, много фронтовиков. За разные дела, а чаще без дела, оказались они в узилище. Один сильно выделялся из всех, высокий, широкоплечий, почти всегда весёлый, что очень необычно для скорбных обстоятельств. Его и других, кто посильнее, сразу же определили на дальний лесоповал. Мне вменили в обязанность носить туда хлеб. Путь неблизкий, да ещё если метель, поэтому обычно я выходил ещё затемно, приходил как раз к обеду. Мужички ждали

наш хлеб особо, знали, что он получался вкусным, даже при не самой хорошей муке и разных к ней примесях. К этому времени разводили дымные костры из веток, так что я мог погреться. Этот военный меня очень интересовал, видимо, я тоже ему приглянулся. Мы разговаривали около получаса, каждый день. Майор, такой чин был у него, попал в лагерь за драку с особистом, защищая честь любимой женщины. «У нас с ней всё серьёзно, по правилам, регистрироваться хотели, как случай представится. А он, рожа широкая, при мне её разными словами. Я сначала похорошему просил, уймись. А он ещё добавляет. Тряхнул его, как надо. Силы малость не рассчитал, конечно. Через два дня, мы только после боя, вызвали и сразу, не разбирая, пять лет лагеря. Как я просил, дайте штрафбат! Нет, сюда засунули!» Работал он очень хорошо, грамотно, быстро стал старшим в бригаде, так распределял людей, что каждый оказывался ровно на том месте, где у него лучше всего получалось. Думая, что и на фронте он был очень толковым командиром.

Однажды, когда обед бригадой был уже съеден и я собирал посуду, чтобы нести в лагерь, один заключённый вдруг кинулся к просеке и побежал, петляя и приседая. Просека соединялась с узкоколейкой, туда он и бежал. Майор закричал, чтобы тот не делал глупостей. Из охраны в этот момент был один солдатик, совсем молоденький, с простым открытым лицом. По уставу, он должен стрелять в беглеца на поражение, но видно было, что он не может даже решиться вскинуть винтовку. Ситуация отчаянная, вот-вот вернётся вся охрана. Майор отреагировал мгновенно: выхватил винтовку,

громко крикнул «Стреляю» и прицелился. Беглец обернулся, замер, потом опустился на снег. Майор поманил его, он медленно пошёл обратно. Винтовка опять перешла в руки солдата, майор сказал ему тихо: «На фронт просись, тут не твоё место». Через несколько минут, когда вернулись остальные охранники, бригада работала, солдат нёс караул. На моих глазах за несколько минут было явное чудо невероятного мужества и самообладания. Этот сильный человек спас беглеца, солдата, подвергаясь огромному риску. Через несколько дней в лагерь приехали военные, для отбора желающих в штрафные роты. Майор был взят одним из первых. Солдат из охраны тоже поехал на фронт. Не знаю, как сложится их судьба, но верю, что солдат получил наглядный пример настоящей мудрости и храбрости, а майор обязательно дойдёт до победы и соединится с любимой женщиной. Письмо это придёт: я тоже передал через него. Надеюсь, что и наша встреча состоится».

– Как интересно получается, – сказал Минька, – дед почти не пишет о себе, а мы так ясно представляем, каким он был.

– Тут всё просто, – ответил Тихон-младший, – человек такой, какими он видит людей вокруг себя. Благородный и добрый видит всех порядочными людьми, злой и завистливый – такими же, как сам.

– Интересно, что стало с этим майором? – задумчиво произнесла Настя.

– На этот вопрос у меня есть точный ответ, – улыбнулся дед, он попал из северного лагеря в Крым, воевал храбро, был ранен при освобождении Севастополя. В госпитале встретил свою лю-

бимую, они поженились, потом воевали вместе до самого Берлина. Войну он закончил опять майором, потом ещё десять лет был военным, до полковника дослужился. Потом стройкой большой руководил. Там, кстати, встретил того солдата, он после войны на инженера выучился. От бывшего полковника я первый раз узнал о своём деде. Вот так иногда причудливо судьба сводит людей.

– Картошка готова! – возвестил Минька, выкатывая из углей горячие клубни.

– Замечательно! – обрадовался отец Тихон, – помолимся перед трапезой.

Привычные слова молитвы торжественно звучали в тёмном саду под звёздным небом. Простая печёная картошка с солью и молоком показалась всем необыкновенно вкусной.

– Главное не что мы едим, а кто наши сотрапезники, – сказал дедушка, и все охотно согласились с ним.

Утро было грустным, даже петух Крикун, понимая всю важность момента, увёл своё крикливое семейство подальше от дома.

– Ничего, – ободряюще говорил друзьям отец Тихон, – для крепкой дружбы расстояние и время не помеха. Да при наличии современных средств связи это и не расстояние вовсе. Осенью, на каникулах, как договорились, Тихон к вам приедет, обязательно.

Машина исчезла за поворотом. Брат и сестра пошли к дому.

– Вот как бывает, встретились два разных человека, а как будто всю жизнь друг друга знали, – грустно сказал Минька.

– Лучшее лекарство от грусти – работа, – бодро сказал дедушка, – нас ждут дрова.

– Дрова так дрова, – вздохнул Минька и пошёл за топором.

Елена Чернакова

КАК ВОРОБЕЙ ВЕСНУ ВСТРЕЧАЛ

Сказка

Жил-был воробей. Обыкновенный, маленький, в серо-коричневых перышках. Жил он под крышей высокого дома. Утром, едва только начинало светать, воробей открывал глаза, махал крылышками, подпрыгивал и громко кричал:

– Чирик-чирик! День наступил! Пора вставать.

На крыше жили и другие воробьи. Самый старый воробей часто ворчал:

– Экий ты неугомонный. Кричишь, кричишь, покою не даёшь.

Но маленький воробей знал, что на самом деле старик не сердится на него. Дождливой осенью, когда воробей был ещё маленьким, он приносил для него еду, потом, когда наступила зима, научил добывать пищу и греться.

– Надо растопорщить пёрышки, наохлиться и замереть, вот так, – говорил старый воробей и показывал, как это сделать.

Воробышек повторял урок, превращался в маленький пушистый шарик и не мёрз. Часто бывало, что солнце целыми днями не показывалось на небе. Оно было серым, и откуда-то из самой высоты шёл снег. Снег – это весело. Воробей летал над крышей дома, хватая клювом крупные снежинки. Старый воробей часто вздыхал:

– Скорее бы пришла весна.

Однажды воробышек спросил у него:

– Кто такая весна и почему она должна прийти?

– Ты не знаешь? – удивился старый воробей, – впрочем, откуда тебе знать про весну. Ты родился осенью и ещё совсем мало прожил на свете. Весной просыпаются деревья, тает снег и расцветают подснежники. По дорогам побегут ручьи. Солнце будет отражаться в лужах, и окажется, что оно везде, вокруг. Оно будет тёплым и ласковым.

– А куда денется снег? – спрашивал молодой воробей, поджимая озябшую лапку.

– Снег растает, уйдёт в землю, напоит её. Вырастет мягкая зелёная трава, а в ней жёлтые одуванчики.

Воробышек слушал и думал – старик рассказывает сказку. На самом деле нет никакой весны, солнце только изредка показывается в небе, и цвет на всей земле один – белый цвет снега. Но однажды утром он услышал странный звук:

– Кап, кап-кап!

Это был новый звук, не похожий на свист ветра, шорох снежинок или скрип морозного снега.

– Это тает сосулька от первого тепла, – сказал старый воробей, – весна уже близко.

И воробышек решил полететь и разведать, где же прячется эта весна, да и есть ли она на самом деле. Он взмахнул крылышками и поднялся повыше. Всё вокруг было покрыто белым снегом. Воробей сел на самую макушку дерева и вдруг заметил, что небо стало другим, высоким и прозрачным. Кто-то ласково коснулся его пёрышек. Это солнечный луч, он

тёплый! Воробей расправил крылышки, потянулся навстречу солнцу и запел! Он даже не догадывался, что может петь так звонко и красиво! Рядом запел ещё один воробей, и ещё, их пение подхватили синицы, получилось так звонко и радостно, что даже солнце услышало их праздничный хор. Стало ещё чуточку теплее, всё новые и новые сосульки звонко капали весёлыми каплями.

– Теперь уже скоро, – радовался старый воробей, – весна обязательно вашу песню услышит и поторопится.

Воробышек каждое утро поднимался в небо, пел свою песню и смотрел, как меняется мир вокруг. Снег, ещё недавно белый и пышный, почернел и превратился в лёд. А потом из сугробов стали выбегать ручейки. Сначала тоненькие и робкие, потом всё больше и больше. И вот уже солнце отражается в них, как в зеркалах, и кажется, что солнце везде.

Однажды тёплым днём, когда на поляне возле дома появилась первая трава, а снега почти не осталось, воробышек сказал старому воробью:

– Я думал, что мир может быть только белым и зимним. Ты рассказал мне про весну, но я не поверил тебе. А потом я спел песню, и весна пришла. Выходит, это я позвал её?

– Весна приходит всегда, даже после самой суровой и долгой зимы. Только надо верить, что она придёт, петь для неё самые лучшие песни и никогда не терять надежды.

Елена Чернакова

ПАСХАЛЬНЫЕ СТИХИ РУССКИХ ПОЭТОВ

Георгий Иванов

Пасха

Опять серебряный апрель
Сияет нам улыбкой ясной,
Поет весенняя свирель
О Пасхе радостной и красной.
Скорей в веселые леса!
Ликут горы, реки, веси;
Ручьи и птичьи голоса
Поют светло Христос Воскресе!
Свети, весна, и ветер вей,
Пылай, восток, светлее розы!
Засвищет в поле соловей
И шумно загрохочут грозы.
Как хмурая зима прошла,
Пройдут сомнения и беды;
И засияет нам, светла,
Заря нетленная победы!

Андрей Усачев

К Пасхе

На землю сходит светлый праздник Пасхи,
Волшебнее любой волшебной сказки,
Чудеснее любых земных чудес:
Христос воскрес!
Воистину воскрес!
Пасхальный звон, и яйца с куличами.
Берёзки встали белыми свечами.
И над землёй несётся благовест:
Христос воскрес!
Воистину воскрес!
И верба в честь Святого Воскрешенья
Весенние надела украшенья...
И словно храм, наполнен пеньем лес:
Христос воскрес!
Воистину воскрес!

Галина Савельева

Святая Пасха

Ночь Святого песнопенья,
Как весна благоухает! –
Праздник Светлый Воскресенья
Души миром осеняет.
Что предсказано, свершилось!
И не верил кто – поверил.
О, Божественная милость! –
В Небеса отверсты двери.
Люд собрался богомольный.
Всюду радостные лица.
Звон весёлый колокольный
Над родной моей столицей!

Николай Гумилев

Христос

Он идет путем жемчужным
По садам береговым,
Люди заняты ненужным,
Люди заняты земным.
«Здравствуй, пастырь!
Рыбарь, здравствуй!
Вас зову я навсегда,
Чтоб блюсти иную паству
И иные невода.
«Лучше ль рыбы или овцы
Человеческой души?
Вы, небесные торговцы,
Не считайте барыши!
Ведь не домик в Галилее
Вам награда за труды —
Светлый рай, что розовее
Самой розовой звезды.
Солнце близится к притину,
Слышно веянье конца,
Но отраднo будет Сыну
В Доме Нежного Отца».
Не томит, не мучит выбор,
Что пленительней чудес?!
И идут пастух и рыбарь
За Искателем Небес.

ЭКСТРИМ

В ЖИЗНИ МОЛОДЫХ

Современный мир полон самых разных развлечений: театры и кино, клубы и кафе, шоу и флеш-мобы. В отдельную группу можно выделить экстремальные развлечения. Их очень много — «страшные» квесты, прыжки с парашютом и без, страйкбол, поход в горы и многое другое. Экстрим может быть разным, но главное его отличие в том, что им увлекается, в основном, молодежь. Невольно возникает вопрос — для чего молодые люди рискуют жизнью, развлекаясь таким образом? Да и развлечение ли это? Пожалуй, не каждый из тех, кто занимается экстремальными видами деятельности, сможет ответить на этот вопрос.

Для кого-то экстрим — просто прикольно, это то, что отличает его от других, здравомыслящих людей. В самом деле, какой нормальный человек полезет среди бела дня на высотку с жумаром? Это сейчас называется нетрадиционным спортом, который связан с риском для жизни. Чем плох обычный спорт, есть же такие занятия, как альпинизм, мотоспорт, парашютный спорт? Главная особенность экстрима — это отсутствие строгой дисциплины, многолетних тренировок, подчинение тренеру, как в профессиональном спорте. Нет цели стать победителем.

Собственно, цель экстремалов — получение острых ощущений. Но многое зависит от человека, который этим занимается.

не только ты сам решаешь свою судьбу, но непосредственное участие в ней принимает сам Господь.

Я спросила у нескольких молодых людей 17–18 лет о том, зачем нужен экстрим, и какое место он занимает в их жизни.

Ульяна: *«Для меня экстрим — это в первую очередь туризм и военные игры, страйкбол. Это, скорее, способ разрядки и получения адреналина».*

Марина: *«Экстрим приносит в жизнь немного разнообразия. Лично я люблю экстрим, но в разумных пределах. Экстрим для меня — это новые ощущения, помогающие скрашивать серые будни. Обычно я не ищу экстрима, но если такая возможность представится, то я от неё не откажусь, если это в рамках разумного».*

Тарас: *«Лично для меня экстримом является просмотр страшных фильмов и горные лыжи. Трудно однозначно сказать, зачем он мне нужен. Возможно, для получения острых ощущений, которые отсутствуют в обычной жизни. В повседневности всё становится слишком привычным, но новое занятие добавляет неординарности».*

Николай: *«Экстрим — хороший способ расслабиться и на время забыть о проблемах».*

Иван: *«Нет, экстрима лично я не ищу, потому что это может привести к опасности для жизни и здо-*

ровья. Зачем наши сверстники ищут экстрим? Они хотят испытать острые ощущения, вытворяя, например, сложные трюки на крыше высотки. Они думают, что могут обмануть смерть, считают, что у них всё под контролем. Думают ли они, какое горе могут принести своим родителям? Экстрим, экстремальные виды спорта приводят к негативным последствиям, начиная от инвалидности и заканчивая летальным исходом».

В современном мире, стабильном и безопасном, человек редко реально рискует жизнью. Ещё менее ста лет назад люди почти всегда жили с ощущением опасности. Опасность голода, болезней, войн, пожаров, тяжёлый труд делали ненужным поиск каких-то особых способов «пощекотать нервы». Даже недавно, в девяностые годы, люди много чего боялись в реальной жизни. Сейчас ситуация другая, мир гораздо более безопасный. Потребность в опасности, в выбросе адреналина — естественная для человека, особенно когда он формируется. Вообще, когда в юности кровь кипит, потребность в выбросе энергии очень велика. На мой взгляд, тяжёлый поход или прыжок с парашютом — отличный способ сбросить напряжение и дать выход энергии. Часто такие поступки помогают справиться с постоянным стрессом, например, в ожидании экзаменов. Конечно, не всем подходит такой способ разрядки. И мера риска у каждого своя. Важно, чтобы поиск всё новых и более сильных ощущений не стал самоцелью, а был только одним из способов разрядки и дружеского общения.

Виктория Чернакова

Детство — не только самая счастливая, но и самая значимая пора для становления человека. Детские воспоминания всегда оказываются самыми сильными и яркими. Сколько бы лет ни прошло, в памяти вновь и вновь всплывают требовательные голоса родителей («А уроки сделаны?») или ласковые прикосновения маминых рук. Каждый помнит своё, самое важное, самое дорогое и сокровенное. Хорошо, когда эти воспоминания наполнены добротой близких. Тогда они охраняют нас всю жизнь. Это не придуманный рассказ, а своего рода фрагмент семейной хроники о самом значимом человеке моего детства, дань памяти и глубоко уважения всему поколению, вынесшему тяготы войны и тяжёлого труда.

ДЕД

По субботам возвращаться из школы всегда весело. Впереди — упоительный вечер свободы. Никто не напоминает про надоевшие уроки, можно подольше почитать любимую книжку или, если у мамы будет настроение, поговорить с ней. Родители — народ вечно занятой. На то, что мне кажется необыкновенно важным, у них один ответ — некогда! Голову глупостями не забивай, учишь хорошо, бабушке по дому помогай. Я и так стараюсь, даже суп варить научилась недавно. Но вот как жить, если вместо роскошной косы — тоненькие блёклые хвостики, и подружки опять о чём-то хихикали на перемене, без меня. Вот бы сегодня случилось чудо! Пусть даже маленькое, но настоящее. Я поворачиваю за угол и зажмуриваюсь. Открываю глаза ... Чудо! Под старой яблоней стоит тёмно-вишнёвая машина. В нашем дворе таких машин нет. Дед приехал! Мой любимый, единственный дед. Значит, сегодня всё будет по-другому, весело и необыкновенно. Взлетаю на пятый этаж, распахиваю дверь:

— Деда!

— Моя красавица пришла! — спешит он мне навстречу.

Дед большой, широкий, я не могу обхватить его руками целиком. Прижимаюсь к груди, вдыхаю. Точно, дедов любимый «Шипр» и ещё немножко запах нагретой машины.

— Решил вчера: поеду-ка я к внучатам, — радостно говорит дед, помогая мне снять куртку и подхватывая тяжёлый портфель, — бабушка там напекла всего. Пойдём, ручки помоешь, покушаешь.

Дед всё время хочет меня накормить. Никакие уверения, что я не голодная, не работаю. Правда, весом и размером я не намного больше воробья, так что это желание вполне оправданно. На кухне весело пахнет пирогами, пышками, булочками. Дома их тоже пекут, с нами живёт наша бабушка, мамина мама. Она заведует кухней и меня учит готовить. Но эти пироги — другие. Их привёз дед. Мне очень хочется его порадовать, поэтому я съедаю целых три пирога, запивая, по его настоянию, молоком. Сестра и брат, не страдающие отсутствием аппетита, усердно мне помогают.

— Кушайте, милые, растите большие, — приговаривает дед, поглаживая меня по голове, — коски будут расти хорошие, густые.

— Деда, а ты почему не ешь с нами? — я поддвигаю ему самый большой пирог.

— Я вон какой большой, сам как пирог, — отшучивается дед, но за компанию с нами тоже ест.

Дед вновь рассказывает, как он в шесть лет уже работал подпаском. Семья была большая, жили очень бедно. Чёрный хлеб из чистой ржаной муки был не каждый день, а белый — только по праздникам.

— Жую я этот кусок, водой запиваю, а сам мечтаю: вот вырасту, выучусь, будет у меня каждый день пироги на столе. И молоко. Наелся я этого чёрного хлеба на всю жизнь. В детстве, в юности, потом на фронте. Годам к тридцати только начал досыта есть. Вот и наел себе живот.

Дед улыбается. У него очень хорошее лицо, большое, почти

всегда ласковое. Улыбка же и вовсе необыкновенная, он как будто освещается солнышком изнутри. Я пытаюсь представить, как это — по несколько дней питаться только хлебом или картошкой. Без молока, без масла, без конфет. Это, должно быть, очень трудно.

— Конечно, голод тяжело терпеть, — соглашается дед, — только тогда не мы одни так жили. Зато у вас жизнь хорошая. Это для дедов самое главное.

Дед не любит долго сидеть на месте. Мы обязательно идём гулять. У нас есть свои тайные места, куда я прихожу только с дедом. Он крепко держит своей большой ладонью мою руку. Идём не торопясь, не на работу же. Дед часто останавливается, показывает мне то необычно изогнутое дерево, то облако, похожее на слона.

— Деда, а где ты слона видел?

— Это в Москве, в зоопарке. Первый раз туда попал, когда на большое совещание меня направили. Давно, отец твой ещё школьником был.

— Я тоже хочу в Москву. И слона увидеть, и Красную площадь.

— Обязательно попадёшь, — уверяет меня дед, — вот подрастёшь, выучишься и в Москву поедешь. Ты ж у меня умница.

Дед меня не обманывает: для него я действительно умница и красавица. Он никогда не поучает, вообще не говорит тех правильных «взрослых» слов, что

обычно предназначены детям. Он просто рассказывает, как жил, о чём мечтал. Я удивляюсь: оказывается, и в то далёкое время, которое называется «до войны», дети были похожи на нас.

— Конечно, дети они всегда дети. Бывало, и дрались, и играли тоже. Работали, конечно, много, а всё же играли, как только свободная минута выпадала.

Дед рассказывал про незнакомые мне игры в бабки и в лапту. Он так весело, так азартно вспоминал, как его дружок кидал всегда точно в цель, а потом дед (тогда, конечно, не дед, а мальчик Вася) долго-долго упражнялся и зараз выбил четыре фигуры, что я видела это как наяву. Вот пыльная деревенская улица, площадка перед рекой, стайка мальчишек, весёлый гомон, радость победителя и признание проигравших.

— По-честному играли, — говорил дед, — жуликов не уважали. В ножички играли, это уже когда постарше стали. А потом ещё в городки, в казаки-разбойники. В праздник до ночи нас по домам разогнать не могли. А наутро на работу. Ничего, всё казалось тогда легко.

Я пыталась представить, что летом, вместо каникул, я с утра до ночи работаю в поле. А вечером ещё играю.

— Деда, я бы так не смогла.

— И не надо, Леночка, это жизнь такая была, тяжёлая. Мы для чего работали, воевали, опять работали? Чтобы вы хорошо жили. Ты, главное, учись. И книжки читай, много уже прочитала, а надо ещё больше.

Когда дед говорил про учёбу, это не было очередным нудным наставлением. Он всю жизнь пытался учиться. Его образование — семилетка в родном селе. Дальше никак не складывалось. Поступил было в техникум — отчислили, как сына «врага народа». Потом его призвали на службу в Красную армию. Способного парня направили в автотракторное училище. Появилась перспектива стать офицером. Поучиться удалось только один год: началась война. А потом случалось только время от времени повышать образование на разных курсах и читать.

— Мало я прочитал, — сетовал он, — работал без продыху. Сейчас вот наверстываю.

Однажды мы забрели в отдалённый уголок парка и наткнулись на небольшое озеро. Сюда не доносились звуки музыки, было вообще необыкновенно тихо, как будто это какое-то отдельное место, накрытое невидимым колпаком. Дед присел на бревно у берега, я же принялась изучать окрестности. То и дело попадались причудливые маленькие коряжки, веточки, похожие то на птицу, то на дракона. Я приносила деду свои находки, он одобрительно кивал, подсказывал:

— Вот это вроде кошки, спинку изогнула, а это на человечка похожа.

Я увлеченно строила город на плотном песке, украшала красными и жёлтыми листьями, щедрыми дарами ранней осени. Дед был необыкновенно задумчив, как будто вспоминал что-то давнее.

— Душа отдыхает, — сказал он тихо.

— А разве душа устаёт? И вообще, души же нет, — сказала я со всей уверенностью глупой юности.

— Да как же нет? Ты вот красоту чем видишь?

— Глазами, чем же ещё, — ответила я в недоумении.

— Глазами мало что можно увидеть. Понять надо, почувствовать. Это только душой можно. Что-то долго мы гуляем. Тебе покушать уже пора.

«Покушать» энтузиазма не вызвало, но спорить я с дедом не стала. По правде, я уже заскучала в тишине этого странного места. Хотелось туда, где люди, музыка, разговоры. Как часто теперь я вспоминаю это озеро... Иногда самое важное в нашей жизни мы видим далеко не сразу. Хочется вернуться назад на много лет, спросить, услышать ответ — о чём тогда думал дед, что видела его душа. Мы возвращаемся домой, по дороге покупаем молоко. Дед рассказывает, какая у них была замечательная корова: большая, добрая, молока давала много. И однажды коровушка-кормилица умерла. Ещё утром ушла в стадо, а к вечеру едва пришла домой, упала во дворе.

— Мама не плакала, чтобы нас не напугать, а мы с братом Шуркой ревели. Жалко корову было, и себя жалко, как жить будем? На следующий день пришёл наш дед Фаддей. Посмотрел, подумал, потом меня позвал. Будешь, говори, за корову работать. И пошёл я вторым пастухом на всё лето. В пять утра уже стадо собирать надо, гнать на дальние пастбища, километров за пять от села уходили. Потом — на водопой в полдень обязательно, да не из Катунки поили, там вода очень холодная, а из озера, небольшая старица была. За то нам корову выделили из общественного стада. Мама меня кормильцем называла.

— А папа твой разве не мог вас кормить? — спрашивала я.

— Не мог. Мы ему старались передачи собрать. Далеко от нас тогда был мой папа. Много было несправедливости в то время.

Большого о своём отце дед тогда не говорил. Уже позднее я узнала, что мой прадед, Егор Фаддеевич, был участником Первой мировой войны. Вернулся он с неё с Георгиевским крестом за храбрость и без левой руки. Был он хорошо грамотен, из бедняков, вступил в колхоз одним из первых, был учётчиком. В одну ночь 1933 года его и ещё более ста жителей села, сплошь крепких работающих мужчин, арестовали как вредителей. Через полгода вернулись пять или шесть человек, среди них и дедов отец. Остальных расстреляли или осудили на разные сроки. В 1935 году его вновь арестовали и отправили в лагерь на десять лет. Оттуда прадед вернулся уже после войны, старым и немощным, и вскоре умер. А детей в семье было семеро, обычное по тому времени дело. Мать вырастила всех. Дети глубоко уважали и почитали её. Свою прабабушку Александру Семёновну я помню смутно. Худая, высокая, с большими навек загрубевшими руками, совсем уже старенькая, она до последних дней своей земной жизнь продолжала трудиться.

В воскресенье утром мы с дедом едем на дальнюю прогулку. Я очень люблю смотреть, как дед ведёт машину. Сильные руки уверенно держат руль, он ведёт очень

ровно, плавно притормаживает, чтобы не растряссти драгоценный груз — любимую внучку. Дед очень любит машины, технику, чувствует малейшее изменение в шуме двигателя, как опытный врач, легко может диагностировать любую неисправность просто по звуку. Мой отец посмеивается:

— Что ты выслушиваешь, как будто самое важное — какой шум от какого клапана исходит.

Дед сердится:

— Что значит «неважно»? Это же машина, за ней уход нужен. А в машине — люди. Не будешь следить, не будешь вовремя ремонтировать — других и себя подведёшь под беду. Как можно только баранку крутить, а ничего про машину не знать?

Приезжаем на берег Обского водохранилища. Я бегаю по песку, пробую ладонью осеннюю холодную воду. Дед грозит пальцем: простынешь! Разжигает маленький костёр, я подкидываю в него ветки. Горьковато пахнет дымом, прелой листвой, влажным песком. Мы сидим рядышком, и я рассказываю деду про свои школьные дела, про одноклассников, про свою лучшую подружку. Дед слушает внимательно, не говорит, что это всё глупости, когда я жалуясь на то, что не могу преодолеть свою стеснительность.

— Ты будь такой, какая ты есть. Все люди разные. Не обязательно тебе во всех делах участвовать. И друзей у человека много не бывает. Есть подружка — и хорошо. Ты вот читаешь много, так возьми себе пионерское поручение рассказывать о прочитанном. В стенгазету пиши, у тебя получится. Будет у тебя в классе авторитет настоящий.

Этот совет мне очень пригодился в школьной жизни. И не только в школьной.

— Деда, а ты другие страны видел?

— Видел. В конце войны.

Дед замолкает и переводит разговор на другую тему, рассказывает, как был на Чёрном море.

— А я почти нигде не была, — огорчаюсь я.

Дед привычно утешает: ничего, у тебя вся жизнь впереди. Длинная, счастливая жизнь. Я замираю

под его рукой, а он неторопливо говорит, как будто видит будущее: вот вырастешь большая, институт закончишь, потом будет у тебя жизнь самостоятельная, все города сможешь увидеть, и море тоже. Семья у тебя будет, детки. А пока летом на Алтай поедем.

— Лето ещё нескоро, — вздыхаю я, — завтра вот в школу опять.

— Это хорошо, это твой труд. Не надо труда бояться. Терпение и труд всё перетрут.

Это любимая дедова поговорка. Много раз он говорил её мне, когда я жаловалась на трудности и неурядицы. И сам он всю жизнь считал её своим главным девизом. Нам пора возвращаться. Деду предстоит долгий путь домой. Я иду провожать его до машины. Напоследок крепко прижимаюсь к нему, ещё раз вдыхаю родной запах.

— Деда, ты скоро ещё приедешь?

— Приеду, конечно, приеду. Я очень без вас скучаю. Только ты письма пиши, не ленись.

Машина скрывается за поворотом. Проходит неделя, и я вновь надеюсь на чудо, а вдруг деда уже приехал? Писать письма и правда лень. Дед пишет часто, обстоятельно рассказывает, что делает дома, как ходит в гараж проведать машину, как бабушка себя чувствует, просит — пиши, хотя бы немножко. Я даю сама себе обещание, что непременно напишу. Завтра. Или послезавтра. Увы, находятся дела поважнее... А дед терпеливо ждёт. И вновь едет к нам, любимым внукам.

Однажды он приехал под Новый год. Я уныло бродила по квартире, выздоравливая после долгой болезни. Всё пропустила: и праздник в школе, и спектакль! Звонок в дверь — и на пороге дед! Я обрадовалась больше, чем если бы пришёл настоящий Дед Мороз. Мы наряжали ёлку, дед радовался ещё больше, чем мы, старательно украшая колючие ветки. Потом было праздничное застолье. Я решила приготовить всем маленький сюрприз: написала добрые слова, свернула в трубочки и предложи-

ла каждому вытянуть. Все отнеслись к моей затее снисходительно, только дед бурно обрадовался. На одной из записок было написано: «Самому, самому лучшему человеку». Эту записку и вытянул дед! Весь вечер он ликовал, повторяя: «Самому лучшему! Спасибо, внученька». Это был самый счастливый Новый год моего детства.

Отец довольно иронично относится к деду.

— Ты, — говорит он ему, — когда мы росли, не очень-то нас баловал. А внукам всё разрешаешь.

— Время было другое, — отвечает дед, — я с фронта пришёл, вы уже подросли. И вообще, у дедов такая привилегия — внуков любить.

— Это верно, говорил отец, мы тоже под дедовым присмотром росли.

На улице морозно, долго не погуляешь. Возвращаемся домой, опять надо покушать, а потом смотрим новости по телевизору. Дед глуховат, это последствия контузии, поэтому звук делает погромче.

— Надо знать, что в стране происходит, — говорит он.

Я сажусь рядом с ним. Дед волнуется из-за международного положения. Отец ворчит:

— Сейчас нагонишь себе давление, хватит уже из-за всякой ерунды расстраиваться.

— Как же ерунда, — возмущенно говорит дед, — обстановка опять беспокойная. Не дай Бог вам пережить...

Я понимаю, что он сейчас говорит о войне. Вообще, о войне дед говорит очень редко. И фильмы военные не смотрит, сразу уходит в другую комнату. На дедовом пиджаке всегда прикреплены орденские планки. Только раз в год, на 9 Мая, он надевает все свои боевые награды, а их немало. Войну дед прошёл с первого до последнего дня. Чудом уцелел под Киевом, не погиб в Пятигорске, успел и подпольщиком побыть, и танкистом. Я понимала, что та война, которую дед прошёл на самом деле, сильно отличается от киношной. Единственный раз я услышала военные воспоминания, когда мы были в гостях у деда старшего брата. Они удивительным образом встретились на фронте в начале 1944 года. При этом брат считал деда погибшим. Радость была невероятная.

Говорили они совсем не то, что писали в школьных учебниках или книжках. Их воспоминания были горькими, как дым от пожарища. Война предстала не героическим маршем, а тяжёлой грязной работой, наполненной болью и постоянным нечеловеческим напряжением. Они рассказывали про мокрые осенние окопы, про привычное ожидание смерти, про бестолковые приказы, когда в наступлении было непонятно, куда двигаться, где свои, а где враги. Про радость от письма из дома. Сдержанно делились гордостью, когда входили в европейские города как победители, и горечью, когда товарищи гибли в последние дни войны. Как же мало стоила солдатская жизнь в этой войне! Как часто сражения выигрывались ценой многотысячных жертв! И тем удивительнее, что они, наши деды, остались людьми, пройдя сквозь невероятные тяготы и лишения. Всю мирную жизнь они измеряли той войной. И, разумеется, никак не хотели её повторения. Я больше не спрашивала деда о войне.

Летние каникулы — самая желанная пора для любого нормаль-

ного школьника. Мы едем на Алтай с дедом! Навестили его брата, теперь едем дальше, по знаменитому Чуйскому тракту. Останавливаемся в каком-то селе. Дед показывает мне длинные здания из красного кирпича:

— Вот здесь я работал после войны. Тракторы, машины восстанавливали, трофейную технику осваивали. Так исполнилась моя мечта — с техникой работать.

Дед, не имея образования, работал инженером, потом руководителем большого хозяйства. Его целеустремленность, желание наладить жизнь вызывала уважение. Переезжаем через мост. Дед увлечённо рассказывает про старинный город Бийск, показывает купеческие дома, старую гимназию.

— Деда, откуда ты про это знаешь? Нам в школе не говорили.

— Место, где ты родился и жил, надо знать хорошо. Книги читал, архивы смотрел. Это же интересно, — вновь поражает меня дед.

Ещё час пути — и вот историческая родина. В этом селе родился дед моего деда и мой отец. Сrostки — одно из самых красивых мест Алтая. Нас радостно встречает дедова тётка.

— Крёстная, — улыбается дед, а она поглаживает его по плечам и смеётся: толстый какой стал, Васятка!

— Ты разве крещёный, деда? — удивляюсь я.

— Конечно, — говорит дед, — тогда других и не было. Я в Духов день родился.

Это мне совсем непонятно. Много позже я узнала, что даты рождения и смерти человека неслучайны. Дедушка родился в день Святого Духа, а ушёл из жизни в последний день святок, похоронен был на Крещение Господне. Мы идём по селу, деда узнают, здороваются уважительно. Заходим в школу, там он долго обстоятельно беседует с директором, она тоже доводится нам родственницей. Они говорят о родословной, которую составляют уже много лет, о раскопках, что начались за селом. Вечером идём на берег Катуня. У берега совсем мелко, вода прозрачная, так что видны все камушки на дне. Я захожу в воду, пробую ногой гладкие камни. Те-

чение быстрое, вода так и бурлит вокруг ног. Пара минут — и на берег, вода очень холодная.

— В конце мая Катунь разливается, — говорит дед, — под самые огороды подходит. Мы, когда росли, ждали этих дней разлива. Сетки натягивали, рыба туда сама прыгала. Наберём, потом чистим, сушим, солим. До середины лета рыбы хватало.

На следующий день идём на старое кладбище. Оно на краю села, под горой. Дед обрывает сорную траву с могильных холмиков, я ему помогаю. Потом подкрашивает памятники с маленькими крестиками и рассказывает.

— Вот это дедушка Фаддей. Посмотри, больше девяноста лет прожил. Зелья никакого в рот не брал, силен был, в одиночку брёвна тягал, когда дом строил. Из дерева умел разные вещи делать, и на заказ, и нам, внукам. А вот рядом дед Семён, сват его, мамы моей отец. Когда мама на колхозную работу уходила, он часто с нами водился. Сказки нам рассказывал, я никогда таких больше не слышал.

Знойно, пахнет переспелой земляникой. Её много растёт между могилами моих давно ушедших предков. Я слушаю деда и понимаю, что они для него живы. Так же, как он жив для меня сейчас. Мы поднимаемся на гору. Дед останавливается, видно, что подъём даётся ему нелегко.

— Старый стал. В твои годы взлетал наверх, не замечал как. Ничего, дойдём потихоньку.

Мне тоже хочется взлететь побыстрее, но я терпеливо жду деда. Вот мы на самом верху Пикета. Широкая ровная площадка, на которой ещё нет знаменитого памятника Шукшину. Перед нами раскинулось село. Вон там мамин дом, показывает дед. День ясный, воздух звенит от чистоты и прозрачности. А с другой стороны горы. Если приглядеться, можно угадать даже заснеженный величавый силуэт Белухи, самой высокой алтайской горы. Меня переполняет тихое счастье. Как хорошо, когда лето, солнце, удивительное путешествие и рядом такой надёжный, такой любимый человек. Мой дед.

Елена Попова

ОБЗОР КНИГ О ВОЙНЕ

Мы хотим предложить небольшой список книг о войне, изданных в разное время. Книги очень разные, есть такие над которыми необходимо думать, и где нет однозначных ответов. Их стоит читать вместе с детьми и подростками и размышлять над прочитанным.

Джон БОЙН

«Мальчик в полосатой пижаме»

Отец мальчика Бруно получает новую должность, и семья переезжает из Берлина в Польшу. Из окон своего нового дома Бруно видит странных людей в полосатых пижамах, которые живут за забором из колючей проволоки. Бруно — единственный в его семье, кто ничего не знает о концентрационном лагере, он верит в то, что люди в полосатых пижамах наслаждаются жизнью в лагере. Однажды около этого забора он знакомится с мальчиком по имени Шмуэль. Они становятся друзьями. Но вскоре Бруно с мамой и сестрой должен вернуться обратно в Берлин. Он приходит попрощаться с Шмуэлем, и переодевается в полосатую пижаму, чтобы помочь другу отыскать в лагере пропавшего, как он считает, на работе отца...

Джон Бойн заканчивает роман такими словами: «Конечно, все это случилось очень давно и никогда больше не повторится. Ни в наши дни и ни в нашем веке».

Эдуард ВЕРКИН
«Облачный полк»

Повесть Эдуарда Веркина стала победителем Всероссийского конкурса на лучшее литературное произведение для детей и юношества «Книгуру», жюри которого — дети и подростки. Это повесть о партизанском отряде. В нем живут взрослые, подростки и даже дети, которым, с одной стороны, нельзя воевать, но с другой — некуда идти.

Димка в первые дни войны был контужен, потерял семью, потом оказался среди партизан. Он мечтает принять участие в настоящей боевой операции и убить своего первого «фрица». А еще он почти всегда хочет есть. Он живет вместе с семнадцатилетним Санычем — бесстрашным, выносливым, острым на язык деревенским парнем. В конце книги выясняется, что Саныч — герой Великой Отечественной войны Ленья Голиков. Подростков влекут подвиги. Но партизанские подвиги совершаются тихо: в грязи, холоде, голоде, крови. Эдуард Веркин под-

робно описывает партизанский быт, пленение немцев, разведывательные операции, многодневные лесные переходы.

Эта страшная повесть написана очень спокойным языком, это не описание войны, а именно ее изображение, полное обрывочных деталей, из которых читатель должен сам создать общую картину.

Джудит КЕРР

«Как Гитлер украл розового кролика»

Анне всего девять лет. Она ходит в школу, катается с друзьями на санках. А с плакатов на неё смотрит Адольф Гитлер — человек, который в скором времени изменит жизнь всей Европы, и жизнь маленькой Анны.

Однажды вдруг исчезает её папа. Потом и она сама, и её брат Марк вынуждены расстаться со всем, что им дорого, — с родным домом, школьными друзьями: мама срочно увозит их из Германии.

Долгие годы семья Анны вынуждена переезжать из одной страны в другую. Девочке и её брату приходится осваивать новые языки и учиться налаживать отношения с новыми людьми, жить в бедности. И всё это время она помнит о плюшевом розовом кролике, оставленном в берлинском доме...

Книга написана по реальным воспоминаниям автора.

Виктор ДРАГУНСКИЙ

«Он упал на траву»

Повесть Драгунского рассказывает о московском ополчении. Главный герой — Митя Королёв, двенадцати лет, сирота. Он хромот из-за детской травмы, поэтому его не берут в армию. Но он очень хочет на фронт. Осенью 1941 года он идет копать противотанковые рвы. Ополченцы работают до изнеможения и ждут, когда придет Красная армия. Но немцам удается обойти их рвы и прорваться ближе к Москве. Погибает друг Мити, вместе с утратой к нему приходит первая безответная любовь. Автор — очевидец описываемых событий. Поэтому ему удалось создать реальные картины того вре-

мени: москвичей, которые дежурят на крышах по ночам, ополченцев, копающих многокилометровые рвы плохими лопатами, и страх в глазах людей, напуганных эвакуацией Москвы.

Вадим ШЕФНЕР

«Сестра печали»:

автобиографическая повесть

Четверо юношей, которые вместе выросли в детдоме, а теперь учатся в одном техникуме. Толя, от лица которого ведется рассказ, — романтик, мечтающий когда-нибудь встретить ту самую особенную девушку. Его друзья: Костя — своего рода философ, Володя — поэт, сочиняющий стихи о войне, Гришка — талантливый лыжник, самый сознательный и ответственный из ребят. Бывшие беспризорники, они стали друг для друга семьей.

Ленинград живет трудной, но все же мирной жизнью. Война идет в Европе — где-то далеко и до нас не доберется. Но она оказалась совсем рядом и уже готовилась нанести удар. Ленинград погружается в блокаду.

Язык повествования потрясающий, читается на одном дыхании. Встречается и легкий ироничный юмор, и всеобъемлющая скорбь по всем погибшим на той войне...

Юрий СЛЕПУХИН

«Перекрёсток»

«Перекрёсток» — первая книга тетралогии, посвящённой событиям и людям 30-х — 40-х годов XX века. Романы с теми же героями: «Тьма в полдень», «Сладостно и почётно», «Ничего, кроме надежды» — о войне. «Киммерийское лето» — роман, сюжетно связанный с тетралогией.

На перекрёстке мирной жизни и наступающей войны оказываются старшеклассники Таня, племянница Героя Советского Союза, полковника Николаева, и Серёжа Дежнев, брат красноармейца, убитого при взятии Выборга. Самое примечательное в этом романе о советской школе и первой любви — исторический фон, на котором развиваются взаимоотношения героев. Юрий Слепухин — писатель с неординарной судьбой, родившийся в Советском Союзе, в 1942-м угнанный на работу в Германию, после войны живший в Бельгии и Аргентине и вернувшийся в СССР, — рассказывает о предвоенном и военном времени как очевидец. Он помнит подробности и впечатления, которые уже теряются в произведениях нынешних авторов.

Пасха Христова в Сергиево-Казанском храме р.п. Краснообска, 2019 г.

Детская Божественная литургия в Сергиево-Казанском храме р.п. Краснообска, февраль 2020 г.

Праздник для детей Воскресной школы в Сырную седмицу, 2020 г.

Паломническая поездка в Покровский Александро-Невский монастырь, февраль 2020 г.

Молодёжная Божественная литургия в Сергиево-Казанском храме р.п. Краснообска, март 2020 г.